

Гай Юлий Орловский
Ричард Длинные Руки – паладин Господа
Серия «Ричард Длинные Руки», книга 3

Авторский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=120502
Ричард Длинные Руки – паладин Господа: Эксмо; Москва; 2006
ISBN 5-699-06889-9

Аннотация

Рыцари – соль и цвет человечества, самая благородная его часть. Однако и в этой элите есть своя элита – паладины. Их очень мало, но это люди, отмеченные особым даром, недоступным простым смертным. Ричард становится паладином, а это значит, что он может теперь гораздо больше, чем умел.

И теперь он знает свою силу, свои возможности. Теперь он не уступит ни черным магам, ни королю эльфов, ни самому Сатане.

По крайней мере, он так считает.

Содержание

Часть I	6
Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	21
Глава 4	26
Глава 5	34
Глава 6	41
Глава 7	49
Глава 8	56
Глава 9	64
Глава 10	71
Конец ознакомительного фрагмента.	73

**Гай Юлий Орловский
Ричард Длинные Руки
– паладин Господа
Баллады
о Ричарде
Длинные Руки**

Часть I

Глава 1

Я отсыпался двое суток. Правда, в первый же день по прибытии, помывшись и почистившись, отправился навестить Рудольфа. Священники взялись исправлять его волчью натуру, я опасался, как бы не перестарались, волк и человек в каждом из нас пророс друг в друга настолько, что разобраться, где волчье, где человеческое, не сможет сам Господь. Но Рудольф в молитвах проводил времени столько же, сколько и в упражнениях с мечом, и то и другое одинаково выгоняет из человека зверя, оставляя его наедине собой, что сам есть и ангел, и зверь, и прах.

Доспехи Георгия Победоносца заняли достойное место в храме, император Карл увел потрепанное под стенами Зорра войско, я наслаждаюсь тем, что могу валяться почти голым на лавке, вместо того чтобы держать на себе два пуда железа, да все на коне, время от времени слезать на землю, снова залезать на это храпящее чудище, опять слезать, так что к концу дня уже и свои уши кажутся тяжелее шлема.

Утром слуга ясно намекал, чтобы я напялил на себя железо. Меня передернуло от макушки до пят от одной такой идеи. Я вывалился на улицу в простой домотканой рубашке, расстегнутой до пояса, простых портках, завязанных веревкой, и самых что ни на есть старых растоптанных башмаках, но зато каких легких и удобных!

Свежий ветерок охлаждал грудь и перебирал там волосы. Какое это счастье, вот прямо сейчас запустить руку за пазуху и с наслаждением почесаться, поскрести крепкими ногтями все то, что мечтал разодрать неделей раньше, когда потный и усталый тащился по жаре, с головы до ног, как устрица, закованный в тяжеленную скорлупу!

Городские ворота, измочаленные ударами тарана, исклеванные стрелами и топорами, раздвинулись с жутким, хватающим за душу поросычьим визгом. Пара измученных коней с усилием тащила крытую повозку. Возница то ли держал вожжи, то ли сам хватался за них, чтобы не свалиться. Его раскачивало, лицо землистое, бледное, глаза смотрели в пустоту. Мне показалось, что он заснул, едва миновали ворота.

Нещадно скрипя и раскачиваясь, повозка доползла до ворот замка, где я изволил стоять, глупо и счастливо улыбаясь солнцу. Дверца распахнулась, мелькнуло оранжевое с синим. Я увидел копну золотых волос, усталое бледное лицо с большими темными глазами. В следующее мгновение девушка оступилась на ступеньке, взмахнула руками, тонко и жалобно вскрикнула, падая. Мои руки распахнулись сами по себе. Она даже не пыталась освободиться из моих объятий. Застыла у меня на груди, расслабленно и счастливо, словно все ее существо в этот миг сказала с облегчением: «Наконец-то добрались!»

Рядом остановился мужчина, с удивлением пробормотал:

– Никак леди Лавиния?

Я с огромным сожалением поставил девушку на землю, но руки не отпустил, не мог заставить себя это сделать. Возница уже покинул облучок, лицо его было злым и угрюмым.

– Леди Лавиния, – прогудел он обеспокоенно, – как вы? Хотя теперь уже все можно... мы у своих!

Она слабо отстранилась, я сразу ощутил потерю. Ее удивительно теплые карие глаза взглянули мне в лицо снизу вверх. Она ответила ему обессиленным голосом, но с победной улыбкой:

– Не у своих. Теперь здесь наш дом...

Я все еще держал ее, на вытянутых руках, просто не мог отпустить, хотя делал вид, что придерживаю, измученную долгой дорогой. Возница, здоровенный мужик размером с Бернарда, взглянул на меня враждебно. Прохожие рассматривали девушку со сдержанным любопытством.

Она наконец пришла в себя, сказала слабо, но твердым голосом:

– Спасибо, что не дали мне упасть... Гунильд!

Возница торопливо отстегнул с пояса кошель, довольно тощий, и подал госпоже. Она порылась, я видел, как она тщетно ищет, наконец ее лицо озарилось улыбкой, достала медную монетку и протянула мне:

– Возьми и выпей за прибытие леди Лавинии в Зорр к своему мужу!

Сердце мое рухнуло в пропасть. Всего две секунды я подержал ее в объятиях, но это уже моя женщина, в ней мое сердце, но она, радостная и счастливая, прибыла к любимому мужу, а мне... мне монету, как слуге!..

Я тупо взял монету, сунул ее в карман. Кончики пальцев уперлись в холодный металл. Я вытащил золотой кругляш со стершимися значками.

– Это... сдача.

Она машинально взяла, карие глаза взглянули мне в лицо с каким-то испугом. Теперь наконец-то изволила заметить меня, здоровенного простолюдина. Тонкие брови взлетели, а хорошенький ротик приоткрылся в виде буквы «о».

– Вольный стрелок, – произнесла она наконец.

– Да, мэм, – ответил я и вытер нос рукавом, – он самый.

Она посмотрела на меня со сдержанным отвращением.

– Я понимаю, – сказала она ровным голосом, – нашему королю служат даже лесные разбойники...

– Ага, – ответил я охотно. Высморкав поочередно обе ноздри ей под ноги, сделал вид, что жутко застеснялся, и потому подошвой звучно растер эти экскременты, причем ногу забрасывал, как конь копыто, как бы стряхивая подальше налипшее. – Мы... того, где больше плотноты.

Она кивнула, сунула монету кучеру, мол, на пропой, тот едва не кончился от счастья, усталость мигом выдуло, а она прошла мимо моего существа. Возница метнулся вперед, распахнул для нее дверцу в воротах замка и стоял там, низко кланяясь. Она не оглянулась, спина ровная, походка усталая, но легкая, пройдет по стебелькам растущей травы – не примет.

Я не помнил, как меня вели дома и улицы, очнулся только в своей камере. Нет, у меня уже не камера: просторная комната для меня, поменьше для двух слуг. Лавка жалобно застонала, я обрушился, как подстреленный лось, но все равно крутился на ней, как уж на горячей сковороде, и встал до того, как лавка рассыпалась. Сердце стучит учащенно, будто бежал по эскалатору, кровь гремит в черепе, в груди стремительно разрастается щемящее чувство острой потери.

Через зарешеченное пространство виден двор, снующая челядь. Молоденькие девушки, сочные, пышные, быстро поспевающие, готовые для употребления. Я и раньше мог любую, а сейчас, когда возведен в рыцари, даже знатные дамы...

Ну почему, почему меня шарахнула эта дурь, над которой высокомерно смеялись еще подростками, прекрасно понимая свое преимущество над тупыми ромео, тристанами и прочими ростанами, что не знали вседозволенности секса, не знали половой техники, не знали презервативов и прочих противозачаточных средств?

Почему я смотрю во двор, где шмыгают эти спелые простолюдинки... да иногда и дочь знатного сеньора важно прошествует в сопровождении слуг, и вижу только ее лицо, ее глаза, ее губы? Я ведь знаю же, что и она такая же, как и все, знаю, что у нее между ног, знаю, что она делает со своим мужем... что он делает с нею...

Ярость ударила в голову с такой силой, что я зарычал, схватил меч и бросился к двери. Прогрели ступеньки, я сбежал во двор. Холодный воздух наступающей ночи охладил лоб, я выбросил в сторону левую руку, пальцы ухватились за что-то, я сжал их и не разжимал. Грудь быстро и часто вздымалась, я дышал часто, с хрипами, с надрывом.

Вокруг меня образовалось чистое пространство. От множества фонарей бегут косматые тени, но в освещенном красным светом круге пусто. Испуганные голоса доносятся сквозь грохот жерновов из черноты:

- Что с ним?..
- Бесноватый, гряд...
- Это который с Ланселотом...
- Братя, отойдите от греха...
- Да, сбегайте за лекарем. Если он кинется, то сетью его. Или на копьё...

Я несколько раз глубоко вздохнул, гипервентилируя легкие, а теперь – насыщенную кислородом кровь – в мозг, в мышцы, взять себя в руки, это мы все знаем, нет хуже для человека моего времени стоять вот так под безразличными взглядами толпы...

Из темноты выступила фигура в надвинутом на глаза капюшоне. Монах двигался неслышно и ровно, словно плыл над землей, меня на миг охватило чувство нереальности. Голос из-под капюшона раздался звучный и участливый:

- Сын мой, тебе плохо?
- Спасибо, – прошептал я, – уже справился...
- По толпе прокатился вздох облегчения. Монах кивнул, сказал:
- Лаудетур Езус Кристос!.. Могу чем-то помочь?
- Я сам, – ответил я. – Всегда сам.

Пальцы долго не хотели отпускать крюк коновязи, за который, оказывается, вцепился железной хваткой. Монах взял меня за локоть, так мы прошли до входной двери моего дома, я взялся за дверную ручку, а он сказал в спину:

- Ты никогда не бываешь сам, сын мой.
- Я обернулся, спросил враждебно:
- Почему?

Он перекрестился, сказал смиренно, тихо:

– С тобой всегда твоя совесть. С тобой всегда твоя гордыня... С тобой страхи, а их легион. Даже самый мужественный человек чего-то боится, хотя не признается порой даже себе... Но сатана все замечает, любую щелочку расширяет до пропасти, чтобы отрезать человека от прямой дороги к Богу. Потому держись, сын мой!.. Ты не один. Бог всегда с теми, кто впускает его в свое сердце.

На стук дверь открыл заспанный слуга. Я обернулся на пороге, сердце сжала боль, у монаха слишком понимающие и сочувствующие глаза, сказал тихо:

- Спасибо... Спасибо за добрые слова.
- Если что, – ответил монах, – я всю ночь в часовне... Что это было, брат?
- Искушение, – ответил я в понятных ему символах. – Искушение.

Лавка снова застонала, но я заставил себя лежать недвижимо, и она недоверчиво умолкла. Монах назвал меня братом, а эти люди – не простолюдины, за словами следят. Я в подвешенном состоянии, инквизиция еще не решила, как со мной поступить, там идут жаркие дебаты, есть возможность показать эрудицию, пофехтовать знаниями, вспомнить подходящие цитаты, изречения, мысли, максимы, поймать оппонента на логическом проколе и выставить его на смех...

На какое-то время про меня даже забудут, углубившись в дебри теологических споров. Однако монахи, что следят за работой святого трибунала, помнят и знают, что среди горожан Зорра находится человек, которого вскоре ждет либо оправдание, либо костер.

Леди Лавиния, шептали мои губы. Черт, что во мне сидит, что я автоматически воспринимаю любое замечание в свой адрес как оскорбление? Ладно, с рыцарями привык, но почему с этим ангелом во плоти так? Ведь она увидела простолюдина, каких видит всю жизнь. По доброте своей... и на радостях, что доехала, дала ему монету, хотя могла и не давать. Какая муха меня грызнула волчьими зубами?

И снова я бродил по городу, единственный, кто выглядел праздным в этом мире деловитых муравьев. Рабочие спешно восстанавливают стены, ворота уже новые, решетка поднимается и опускается без скрипа. Ремесленники укрепляют на башнях и даже на стенах небольшие баллисты, могут швырять камни и горшки с кипящей смолой.

По всему городу режут скот, солят, коптят, готовят на зиму мясо, засыпают в закрома зерно, муку. Мелкие отряды рыцарей каждый день выезжают из Зорра, вроде бы на охоту, но тщательно прочесывают леса. Карл ушел и увел громадное войско, но за его армией тащился всякий сброд, которому бы только пограбить. Многие остались, эти мародеры и грабители все еще нападают на окрестные села.

Мне пару раз предложили присоединиться к таким отрядам чистильщиков. Не столько из-за моих личных достоинств, я все еще для многих не настоящий рыцарь: слишком быстро удостоен этого высокого звания, мало кто видел меня в сражениях, мало кто мог поручиться, что я надежен, но о моем молоте уже ходят легенды. Я помалкивал, ибо только я вижу серьезные недостатки такого оружия. Он хорош, когда нужно куда-то метнуть и что-то сшибить, но даже стрела бьет намного дальше. К тому же абсолютно бесполезен в ближнем бою лицом к лицу, слишком неповоротлив...

Дважды мне почудилось, что мелькнуло голубое платье, я бросался в ту сторону, как сумасшедший, но всякий раз оказывалось, что мерещится. И всякий раз чувствовал такое разочарование, что перехватывало дыхание и сжимало сердце.

Слонялся бесцельно, вдыхал запахи кож, горящих углей, уступал дорогу стадам овец, коров, слушал разговоры о бытовых проблемах, о видениях, о сравнительных достоинствах рыцарей, однажды услышал любопытное даже о себе, но не рискнул остановиться и послушать, мужчин с моим ростом раскусывают быстро.

Из кузницы вышли двое крепких мужиков, распаренных, красных, рухнули задницами на колоду. Один снял с пояса флягу, отпил, дал другому.

– А ты знаешь, – сказал он вдруг, – мой сосед... помнишь, я говорил, что как только я в кузницу, а он к моей жене? Так вот он оказался вампиром!

Второй подмастерье едва флягу не выронил:

– Да что ты говоришь? Как же ты обнаружил?

– Я вбил ему в сердце осиновый кол, так он сразу и помер!

Мужик перекрестился, сплюнул под ноги.

– Велика сила дьявола, но и мы, христиане, что-то умеем.

Не зная, куда себя деть, я вернулся, но и там не находил покоя, меня метало по комнате, как ветер воздушный шарик. Теперь у меня своя комната, могу держать слуг, что и делаю, все-таки амулет хоть и скудно, но снабжает золотом, а здесь на серебряную монету можно прожить месяц. На стене доспехи Арианта, его меч и щит. Даже браслеты я снял, чтобы не слишком выделяться от жителей Зорра, воткнул в стену кинжал и повесил их на рукоять.

Только молот всегда при мне, заметно оттягивает пояс, но уже привык, сроднился. Хотя так и не понял его механику. Давным-давно, когда я пытался посещать юношескую студию бокса, тренер объяснял, что существует чистый удар, когда противник содрогается от резкого удара всем телом и медленно опускается на пол на том же месте, и грязный – когда противник отлетает назад, то есть удар с толчком. Бывает вообще только толчок, когда противник отлетает, даже может упасть, но тут же вскакивает, готовый продолжать бой.

Так вот молот иногда мог разнести в мельчайший щебень целую скалу, но в другой раз едва-едва раскалывал придорожный валун. И хотя расколоть валун тоже немало, но все же мне, жителю моего века, нужна зависимость – что от чего, а не здешнее: «Все в руках Господа».

Я еще тогда, в дороге, бросал и бросал во все встречные камни, деревья, скалы, стараясь вычленить закономерности, а в Зорре ходил на задний двор, где глухие стены, упражнялся там. Даже придиричивый Бернارد, помню, начал посматривать с уважением.

Сегодня, потерявшись непонятными душевными муками... эх, нет здесь психоаналитика!.. выбрал время, когда там не упражняются, не люблю зевак, вышел на задний двор и начал бросать молот в огромную наковальню. Не сокрушит, понятно, зато отработаю дистанцию, с которой еще есть смысл бросать, научусь сам ловить и бросать как можно скорее, не теряя драгоценные секунды на широкий размах...

– Из тебя выйдет воин, Дик, – послышалось за спиной густое. – Настоящий воин!

Бернارد надвигался – огромный, массивный, медведь в латах, а не человек. Все-таки великаны, от которых ведет род, – непростые ребята.

– Почему воин? – спросил я. – Может быть, я вот прям жажду в менестрельство! Всеми фибрами туда лезу.

Он отмахнулся.

– Да хоть жабрами. Я же вижу. Ты метаяшь эту нечестивую штуку и... чувствуешь удовольствие, будто служанку завалил на сено.

– Какое удовольствие? – ответил я замученно. – Я всего лишь хочу, чтобы получалось как хочу.

Он кивнул с глубоким удовлетворением.

– А как, по-твоему, становятся мастерами?.. Вот так же одно и то же, одно и то же. С мечом, щитом, топором, конным, пешим, в доспехах и без. Одни считают, что им хватит и первых уроков, пора и по бабам, а вот мы упражняемся и упражняемся... А потом и бабы наши, и вообще все наше! До горизонта – и дальше.

Острая печаль стиснула мое сердце. Молот прилетел, саданул меня рукоятью по пальцам, разбив в кровь, и рухнул под ноги.

– Все мне не надо, – вырвалось из меня тихое, словно стон умирающего зайца. – Мне совсем-совсем не все надо...

Бернارد взглянул остро.

– Да? – рыкнул он. – А может, тебе надо больше, чем все?

Я поднял на него взгляд. Бернارد смотрит серьезно, сочувствующе. Похоже, эта закованная в доспехи каменная глыба что-то чувствует.

– Боюсь, – прошептал я, – что ты недалек...

– От истины, – сказал он подозрительно, – или вообще?

Раздались звуки музыки, через двор шла королева, строгая, но улыбающаяся мило-стиво, одета для дороги в пурпурный плащ, золотая пряжка разбрасывает солнечные блики. Голубое платье искрится мелкими блестками, такие же голубые платья и на придворных, почти все моложе королевы, а две совсем маленькие девочки с большими букетами цветов в обеих руках.

Я остановился, любуясь лучом света в темном королевстве терминаторов, где все лязгает, звякает, грохочет, грюкает, земля вздрагивает под тяжелыми шагами, будто во все стороны расхаживают гуляющие экскаваторы.

Королева Шартреза остановилась, заметив нас с Бернардом. Бернارد почтительно преклонил колено. Я поколебался, совсем недавно разговаривали с ней запросто, но Бернارد прав: на людях надо вести себя иначе.

Я преклонил колено. Шартреза улыбнулась, похоже, понимает.

– Бернард, – сказала она певучим голосом, – я вижу, не оставляешь молодого рыцаря заботой. Наверное, смотришь далеко в будущее... где сэру Ричарду придется очень непросто?

Бернард поднялся, сказал густым сильным голосом:

– Ваше Величество! В сражениях смерть настигает всякого. Но для рыцаря сложить голову за короля, за королеву, за даму сердца – славная гибель, мужская гибель. Ричард молод годами, но рука его крепка, а сердце закалено в боях, как железо в горне кузнеца, а потом в кипящем масле. Неизвестно, кем бы он стал, но Тьма пришла в наши земли... и вот он выучился биться и по-рыцарски, и по-степняцки, копьем и мечом! Ему уже нет равных среди наших воинов в бою на секирах, он хорош с мечом и щитом, а на алебардах я готов выставить его против любого из королевских воинов.

Шартреза рассмеялась:

– Ты так горячо его расхваливаешь!.. Это потому, что не можешь похвалить себя?

Бернард снова поклонился.

– Я человек простой, могу похвалить и себя. Но в Ричарда я так много вложил, что это почти что я!

Она осмотрела нас обоих демонстративно внимательно, за ее спиной захихикали придворные дамы.

– Спасибо, славный Бернард, – сказала она наконец тепло. – Спасибо.

Глава 2

Третий день я бродил по городу в тщетной надежде, что Лавиния выйдет за покупками или по каким-то еще делам. Здесь нет городского сада, но есть костел, сегодня пятница, дожить бы до воскресенья, а потом можно будет увидеть ее по дороге на воскресную проповедь...

Прямо на площади меня перехватил мальчишка в наряде королевского оруженосца.

– Сэр Ричард! – закричал он еще издали. – Сэр Ричард!

Он подбежал, но прохожие уже обратили внимание, что сэр Ричард – это я, а что он, такой счастливцев, вот сейчас будет общаться с самим сэром Ричардом.

– Что случилось?

– Сэр Ричард, – повторил он громко и счастливо, – мой король послал меня за вами, сэр Ричард!

– А что стряслось? – повторил я.

– Не знаю, сэр Ричард, – ответил он честно и добавил уже серьезнее: – но Его Величество велели прибыть в его покои немедленно!

Я вздохнул, оглянулся на мрачное массивное здание, в котором, по слухам, поселилась по приезду благородная леди Лавиния.

– Ну что ж, пойдем...

– Можно мне пойти с вами рядом? – спросил он живо. И, не дожидаясь ответа, спросил быстро: – Это и есть тот самый молот?..

– Да, – ответил я на ходу.

Он быстро-быстро шагал справа, торопился, забегал даже вперед, быстрые глаза обшаривали молот, на хорошенькой румяной мордашке отразилось сильнейшее разочарование.

– Он такой простой!

– Сила рыцаря не в перьях на шлеме, – сказал я. – Еще не знаешь?

Его чистые и румяные детские щеки залила густая краска.

– Простите меня, сэр Ричард, – сказал он полным раскаяния голосом. – Но об этом молоте рассказывают такое, что я представил его размером с наковальню, на нем должны быть таинственные колдовские знаки!

– Они там, – сказал я, – внутри.

– О, – сказал он почтительно, глаза округлились. – Я о таком даже не слышал!

Стражи у королевских покоев отсалютовали копьями. Оруженосец не успел сделать им повелительный жест, показывающий мне, что и он здесь распоряжается... на пару с Беольдром, стражи заулыбались и распахнули ворота. Три дня тому, или четыре, не помню, они с огромным удовольствием выносили из этого зала Сира де Мертца, который возжелал поставить нашего короля на колени... И еще помнили мою роль.

В глубине зала на троне я увидел роскошную белую пену, выступающую из пурпурного плаща, и лишь потом вычленил из этого великолепия бледное худое лицо короля. Седые волосы падают на глаза, опускаются пышными прядями на плечи, а усы и борода полностью скрывают не только нижнюю часть лица, но и всю грудь.

За спинкой кресла и чуть справа монах, я узнал отца Гарпага, а перед тронном высится сверкающая серебром статуя из металла. Шарлегайл говорил слабым прерывающимся голосом, статуя почтительно слушала. На широкой перевязи длинный рыцарский меч с позолоченной рукоятью, уже по нему я узнал бы сэра Ланселота. Меч Ланселота и его серебряные доспехи известны всему Зорру.

Ланселот не обернулся, хотя явно ощутил открывшуюся за его спиной дверь. Шарлегайл сделал слабый жест высохшей дланью:

– Сэр Ричард... подойди поближе.

Я приблизился, надо бы опуститься на одно колено и ждать, пока король изволит позволить встать, но Ланселот уже стоит, да и король у нас – настоящий король, ему дешевые церемонии по фигу, я лишь поклонился и уставился на него в ожидании.

Ланселот нахмурился, что-то проворчал, а Гарпаг суетливо перекрестился. Оба чувствительны к нарушению этикета. Шарлегайл сказал слабым прерывающимся голосом:

– Еще ближе... оба...

Я с глубоким сочувствием смотрел в изможденное лицо, подумал внезапно, что король не так уж и стар, это жизнь, как говорят, состарила раньше, чем пришла старость.

– Сэр Ланселот, – проговорил Шарлегайл. Он остановился, перевел дыхание, сказал снова: – Сэр Ланселот... На тебя возлагаю великую задачу. Надлежит тебе отправиться в королевство Алемандрию. В славный город Конрабург к славному и почтенному королю Конраду. Поздравь с великой победой над собой, что есть самая великая из побед, кою может одержать человеке. Поговори, очаруй, ты это умеешь. Покажи свою удаль на турнире, в поединках, на скачке, в метании молота... Это первое. Второе – хорошо бы склонить его оказать нам помощь своими людьми. У него целая армия томится без дела!..

Ланселот с достоинством поклонился.

– Все сделаю, Ваше Величество.

– Отправляйся немедленно, – велел король. – Сегодня отдохни, а завтра с утра в путь. Да, еще... тебя будет сопровождать отряд рыцарей, как и надлежит послу. Сам отберешь, кого считаешь достойным такой чести. Но одного я тебе сам посоветую.

Ланселот смотрел прямо в глаза Шарлегайла.

– Слушаю, Ваше Величество.

– Обязательно возьми с собой Ричарда, – сказал король. – Ричарда Длинные Руки.

Я поклонился, лучше молчать и кланяться. Ланселот тоже поклонился, но я видел в его серых глазах недоумение.

– Ваше Величество... я понимаю, вы только что посвятили его в рыцари... и все еще помните... это... этого человека. Но не будет ли Конрад оскорблен? Ведь Дик единственный, у кого нет поместья, у кого нет земель, крестьян... Еще вчера он был простолюдином... Такой человек в посольстве вызовет ненужные вопросы. А то и подозрения.

Гарпаг выступил из-за трона, встал рядом, его худое лицо было неподвижно, но в глазах я прочел тщательно упрятанную неприязнь.

– Хуже того, – сказал он внятно. – Хуже того...

Шарлегайл попросил слабым голосом:

– Отец Гарпаг, нить ваших мыслей от меня ускользает.

– Хуже того, – повторил Гарпаг, – это вызовет насмешки.

Король покачал головой.

– Конрад – воин. Ему важнее, кто как держит меч. А Ричард уже успел показать себя умелым и отважным воином. Но еще важнее другое...

Он вздохнул, покосился на священника. Гарпаг нахмурился, что-то зашептал ему на ухо. Король отмахнулся.

– Видишь, сэр Ланселот, отец Гарпаг настоятельно не советует посылать туда Ричарда. Почему? Да потому, что церковь ему не доверяет. Не осудила, но и не оправдала. Инквизиция все еще решает, на каком огне его сжечь: быстром или медленном... Однако что плохо для нас, может быть хорошо для Конрада. Он не в ладах со святой церковью, хотя не в ладах и с армией Тьмы. А Ричард как раз тот, у кого на поясе боевой молот язычников. У него на шее амулет, который носили идолопоклонники... Королю Конраду такой человек ближе и понятнее! Пусть он думает, что мы все такие, как сэр Ричард... ну, пусть не все, но в

наших рядах рыцарства есть такие, кто вольно трактует Святое Писание, пропускает службы в церкви, общается с нечистыми созданиями леса, как-то эльфы и гномы...

Гарпаг начал усиленно креститься, бормотал молитвы, на меня смотрел с ужасом и отвращением, даже попытался брызнуть святой водой, но, похоже, фляга пуста. Или в ней не вода. Ланселот тоже хмурился, с каждым словом посматривал в мою сторону все неприязненное.

– Ваше Величество, – сказал он почтительно, когда король умолк, – а не слишком ли уж паршивую овцу мы запустили в свое христианское стадо?.. Стараясь показать королю Конраду, что мы все такие... запятнанные, не нанесем ли урон своей чести, имени, достоинству?

Король вздохнул.

– Это... политика. Нельзя перейти болото, не испачкав ноги. Кто боится испачкаться – остается на том берегу. Мы же перейдем, там очистимся... молитвами, епитимией. Принесем жертвы, в смысле воскурим ладан и пожертвуем на церковь что-то из найденного, и... пойдем дальше. Идите, мои друзья. Я – сказал!

Мы вышли с Ланселотом вроде бы вместе, но в то же время и врозь, а от ворот замка сразу пошли в разные стороны. Я, понятно, в полной готовности отторчать и эту ночь перед домом леди Лавинии. Днем вроде бы само собой, но зачем-то и ночью. Что за дурь, никогда она не выйдет гулять так поздно, здесь женщины даже днем не появляются в одиночку, но когда однажды на втором этаже на фоне занавески мелькнул женский силуэт, из меня от ликования брызнули золотыми фонтанами бенгальские искры, и я сидел там, затаившись в тени, до утра...

Сейчас я замедлил шаг, уже забыв о посольстве к жестокому королю, смотрел на окна, на ворота, что вдруг закрипели, словно повинуясь давлению моего тяжелого взгляда, медленно стали распахиваться. По двору к воротам ехала на гнедой лошадке женщина в голубом платье, впереди шел слуга и вел коня на коротком поводке.

Сердце мое всхлипнуло и застыло, а потом, убедившись, что не глюки, застучало часто и взахлеб. На леди Лавинии обычный головной убор женщины знатного происхождения: на голове очень высокий шпиль, похожий на верх Спасской башни, с кончика на спину падает нечто длинное и полупрозрачное голубого цвета. Шелковый платок укрывает голову так, что оставляет на виду только лицо, даже шея укутана. С плеч ниспадает легкий плащ, он положен по рангу знатым особам, но абсолютно нелеп в этот теплый солнечный день.

Гнедая лошадка, невысокая, как пони, но очень грациозная, словно выточена из дерева и покрыта лаком, гордясь такой всадницей, помахивала гривой, нервно переступала с ноги на ногу, косила на всех огненным глазом: оценили, какое сокровище она везет? На этот раз леди Лавиния сменила запыленный дорожный костюм из грубого полотна на нечто легкое, но тоже непривычно простое, без уже привычных глазу безобразных рюшек и финтифлюшек, все-таки дают себя знать прирожденный вкус и такт.

Она сидела на коне очень непривычно для моего глаза, даже дико, но, как понимаю, только так и ездят порядочные женщины: на особом женском седле, что и не седло вовсе, а просто-напросто широкая подушечка, обе ноги на одну сторону, зад слегка на другую, для равновесия, это очень красиво, даже эротично, но как-то несерьезно. Страшно подумать, что случится, если конь вдруг поскачет...

Непроизвольно я зашел с другой стороны, чтобы подхватить ее, такую нежную и легкую, подхватить на обе мои широкие длани. Она вскинула брови, поинтересовалась ядовито:

– Что, захотелось на кружку эля?

– Ага, – сказал я и добавил мечтательно: – А если бы еще на две...

– Харя не треснет? – спросила она. – Впрочем, у меня есть работа. Надо вывезти навоз...

– Из ваших покоев? – спросил я. – Дык я завсегда!.. С умилением и счастьем... А ежели прямо из вашей спальни, то я задурно, только для вас!

Не зная, что придумать еще, я принялся освобождать в носу квартиру, рассматривая то добытые сокровища с детским любопытством, что есть постоянное состояние простолюдина, как и вечная угрюмость, то ее – такую нежную, воздушную, небесную. Леди Лавиния фыркнула, выудила монету из мешочка на поясе и бросила мне.

– Лови!.. Только не напивайся до привычного тебе состояния.

– Не стану, – пообещал я. – Только до благородного, когда рылом в салат.

В ее глазах метнулся запоздалый страх, вспомнила, но поздно. Я, нагло ухмыляясь, выудил из кармана золотой. Бросил хорошо, ей пришлось всего лишь разжать пальцы. Она инстинктивно сжала в кулак, ее щеки покраснели, а глаза гневно заблистали.

– Сдача, – пояснил я.

Она швырнула монету слуге, тот поймал, увидел, какого достоинства монета у него в грязной пятерне, едва не упал под копыта ее лошадки.

– Это тебе на пропой, – сказала она слуге громко.

Тот икнул, побагровел, ноги его начали разъезжаться. Она послала коня вперед, слугу потащило, он кое-как забежал вперед, но все оглядывался на меня расширенными глазами.

– Дык как насчет навоза? – прокричал я вдогонку.

Она обернулась на ходу, наши взгляды встретились. Конь ее прибавил шагу, ей пришлось повернуться и направить его посреди улицы, чтобы не мешать пешеходам, что пугливо жались к стенам домов. Уже у самого выезда на площадь она зачем-то обернулась снова.

Я стоял на том же месте. Наши взгляды столкнулись в воздухе с легким серебряным звоном. Незримая нить возникла из ничего и соединила наши души. Это я ощутил с такой же определенностью, как гравитацию или плотность воздуха. И щенячий восторг ударил в сердце так, что я завизжал иступленно и громко... но, правда, про себя, здесь же улица, добежать бы поскорее до своей квартиры, там похожу, нет – побегаю на ушах... Даже по стенам побегаю, катэка несчастный.

Она меня увидела наконец-то! Она меня заметила!.. Она меня выделила из общей массы. И, боюсь об этом даже каркнуть, она ощутила ко мне нечто...

Ланселот ехал молчалив, задумчив. Крупные холодные глаза навывкате неотрывно смотрели вперед. Мне показалось, что он не знает, как держаться со мной, вчерашним простолюдином. Еще неделю тому все было легко и просто, но теперь как с простолюдином уже нельзя, а как с равным себе... тоже вроде бы чересчур.

Золотые кудри рассыпались по плечам, как тугие локоны из золотой проволоки. Длинное вытянутое лицо за время рейда за доспехами святого Георгия Победоносца похудело, черты лица заострились, а нижняя, выдвинутая вперед массивная челюсть, казалось, уже вовсе выступает, как у экскаватора. Мне всегда хотелось двинуть по ней ногой, никак не привыкну, что здесь это подается как признак мужественности, высокого рождения и осознания своего высокого достоинства.

От него и сейчас несет чистотой, фаянсовостью, а на солнце он весь вспыхнул, заблистал, разбросал солнечные зайчики, словно весь из серебра и золота. Да и сам, в мире нечесаных и немых рыцарей, выделяется просто стерильностью, как хирург перед операцией. Это не рейнджер, что для успеха скрытности операции вымажется в любом дерьме, да еще и закусит им, чтобы пахло дерьмом, отбивая человеческий запах. Ланселот едет всегда прямо, всегда открыто, а жив лишь потому, что некоторые рождаются с музыкальным или матема-

тическим слухом, а Ланселот родился с даром владеть мечом, копьем и всеми прочими атрибутами воина.

Сейчас за ними гремели оружием, шутили и гарцевали на сытых конях отпрыски знатнейших родов, лучшие рыцари и герои защиты Зорра, прославленные победители турниров, а он ехал тихий, задумчивый, поглядывал на птичек в лесу и на белочек.

На второй день пути он подъехал ближе, наши кони пошли бок о бок, Ланселот косо взглянул в мою сторону, предупредил холодным четким голосом:

– Дик, в зал меня будут сопровождать двенадцать рыцарей. Меньше нельзя – урон моей чести, а больше нет смысла – и так будет тесно. Там своих достойных и славных хватает, прославленных во многих сражениях, турнирах и застольях. Ты будь от меня по правую руку. Я поразмыслил, вижу, Шарлегайл прав, как у него получается почти всегда. Ты рубашку распахни пошире, пусть Конрад увидит твой нечестивый амулет. И молот на поясе подвесь спереди, чтоб Конрад увидел сразу...

– Что это будет за видок? – удивился я.

Ланселот подумал, поморщился:

– Да, это будет зрелище. А кто-то вообще узрит непристойный для смиренного христианина намек. Тебя не жалко, но и я буду опозорен, что стою с такой... таким рядом. Ладно, просто подвинь так, чтобы стало заметно.

– Что?

– Сэр Ричард, не серди меня. Я говорю про молот.

Он называл меня то Диком, как привык за трудную дорогу из Срединных Земель в Зорр, то сэром Ричардом, как принято по этикету. Меня подмывало предложить плюнуть на формальности и звать Диком всегда, но теперь это будет ущемлением моего рыцарского достоинства, ибо вряд ли он позволит называть себя Лансом или Лотом.

Дорога накатана, небо чистое, за все время только однажды на голову и плечи обрушился холодный ливень, но дороги раскиснуть не успели, солнце выпарило воду и подсушило землю. Мы ехали, везде встречаемые толпами любопытствующего народа. Слух о нашем посольстве к Конраду достигнет Конрабурга намного раньше нас, передвигающихся в тяжелой рыцарской броне и на тяжелых конях, не склонных к легкомысленной скачке.

Через две недели показались стены угрюмого города, выстроенного функционально правильно, без излишеств и украшений, экономически оправданно, зато с высокими стенами, множеством башен, где сразу же заблестали искры на доспехах, на шлемах, остриях копий.

Ланселот проронил угрюмо:

– Заметили... Сигналят.

– Нам? – спросил я.

– Нет, у них свои сигналы.

Стены разрастались, дорога стала шире. На стене народу прибавилось, из дальних башенок к воротам стягиваются любопытные, смотрят сверху, что-то кричат. Ланселот на ходу снял с крючка на седле рог, протрубил звонко и страшно.

Ворота распахнулись. Мы въехали, не останавливаясь и не придерживая коней. Да, либо о нашем прибытии уже знали, либо здесь такая прекрасная организация труда: всех коней моментально расхватили и увели, а нам вежливо предложили следовать во дворец Его Величества.

Дворец короля Конрада славился трофеями, в чем я убедился еще издали. На крыше замерла четверка вздыбленных коней, их привезли из Тер Овенса, когда захватили там столицу и предали мечу всю королевскую семью. Стены облицованы дивными изразцовыми плитками из Кельтуллы, их невозможно ни разбить, ни поцарапать, секрет изготовления уте-

рян в глубинах веков, потому Конрад велел содрать их все до единой и привезти в свой любимый Конрабург.

Когда мы вступили в главный зал, Ланселот взглядом обратил мое внимание на колонны, поддерживающие свод. Из изумительно чистого зеленого камня, похожего на стекло, они выглядели странно изогнутыми, словно две гигантские руки выкручивали мокрую простыню. Станный дизайн, будто и не средневековые, а изыски современных корбюзье. По-моему, эти авангардные колонны выглядят вызывающе в довольно стандартном зале...

Я засмотрелся на скульптурную группу из белого мрамора, массивную, в два человеческих роста, под противоположной стеной. Там женщина с ребенком на руках, худой мужичок со сложенными ладонями, а за их спинами огромный человек с высоким лбом и бесконечно мудрыми глазами – он впятеро крупнее той пары, видны только голова и плечи, но все внимание его глазам. Скульптору удалось передать его нечеловеческую мощь, духовную красоту и зрелость, что превосходит все человеческое понимание. Я смотрел в его глаза, и мне казалось, что я вижу в них глубокую печаль и сочувствие: он видит всех, понимает всех, сочувствует и молча говорит: крепитесь. Победа придет!

– Это привезли из руин сожженной столицы в Кельтулле, – сказал Ланселот вполголоса. – Говорят, в саму Кельтуллу привезли вообще из каких-то руин древнего города. Все было разрушено, но это... дьявольские силы не посмели! Это вот Богоматерь с младенцем Иисусом на руках, это ее муж плотник Иосиф, а над ними сам Господь Бог...

Он благочестиво перекрестился. В зал входили рыцари короля Конрада, становились вдоль стен, высокие, крупные телами – король Конрад не очень-то считается с родовитостью, у него больше ценятся те, у кого в руках сила, а в голове – мозги.

Сверху с яруса загремели трубы. Вошел церемониймейстер, его жезл, больше похожий на посох, ударил в мраморную плиту пола с грохотом тарана, бьющего в запертые ворота. Все вздрогнули, напряглись, когда он провозгласил трубным голосом, что в один миг перекрыл все шумы:

– Его Величество Конрад Блистательный, Непобедимый и Победоносный, властелин земель...

Я некоторое время слушал титулы, там привычно перечислялись все территории, что принадлежали по праву, не по праву, были получены в дар, захвачены, куплены, отняты, отторгнуты, в это время двери распахнулись, король Конрад не вошел, а влетел, не дожидаясь, когда через зал проползет впереди него блистательный титул с длиннющим, как у морского дракона, хвостом.

Мне показалось, что он стал еще стремительнее, злее, двигался нервно, а в глазах мелькало бешенство загнанного зверя. Рыцари за спинкой трона вытянулись в струнку. Когда он взбежал по ступенькам и почти прыгнул на сиденье, вошел грузный монах, встал слева от трона.

Ланселот почтительно поклонился, но преклонять колени перед чужим королем не стал.

– Ваше Величество!.. Король Шарлегайл шлет вам уверения в своем совершеннейшем почтении и восторге вашей мудростью, вашей проницательностью... это не говоря уже о вашем замечательном воинском таланте стратега, полководца!

Король Конрад сказал яростно:

– Мудростью? Проницательностью?.. Я этому ублюдку Арнольду никогда не прощу!.. Он меня опозорил перед соседними королями, перед простым людом, перед войсками!.. Меня до сих пор душат кошмары, когда снится та страшная площадь, заполненная народом!.. Как они смотрели на него, как смотрели... И что мне оставалось делать? Позориться еще

больше?.. Прослыть королем-убийцей? Убийцей праведника?.. Уже и так меня втоптали в грязь тысячами глаз...

Он вскочил, в волнении и бешенстве забегал по устланному красным кумачом пятаку перед тронем. Волосы растрепались и выбились из-под короны. Уже не прежний бешеный вепрь, что готов разнести все вокруг, сейчас Конрад то и дело бросал по сторонам тревожные взгляды.

Ланселот замялся. Конрад нарушил правила приема, смял протокол приема, вообще это слишком непредсказуемый король, многое делает не так, неверно, не по правилам...

Пауза затягивалась, я сделал шаг вперед и сказал, принимая огонь на себя:

– Ваше Величество... Ваше Величество!

– И кто втоптал! – воскликнул Конрад в бешенстве. – Кто втоптал?.. Те люди, которые до этого считали, что он не стал воевать из трусости!.. Как быстро все переменялось!.. Да черт с ними, теми людьми, хотя обидно, черт возьми!.. Я же не стал их облагать налогом, хотя моя армия порядком поизносилась за этот стремительный марш через горы. Треть конницы погибла в горных обвалах, мы ж спешили как можно скорее обрушиться им на головы... Кто ж знал, что никто и не собирается защищаться? Я всю армию заново одел и вооружил из своей казны, из Конрабурга!.. И вот эти неблагодарные... Нет, в самом деле, черт с ними!.. Но моя армия? Я же видел, как они смотрели на этого ублюдка с веревкой на шее!.. Уже и так шептались, что я победой обязан исключительной трусости Арнольда, моей заслуги нет... а теперь еще и увидели, что Арнольд совсем не трус!

Ланселот открывал и закрывал рот. Прием послов явно скомкан, все полетело к черту. Я сказал громче:

– Ваше Величество, а вы не подумали, что королю Арнольду сейчас еще хреннее, чем вам?

Он в бешенстве развернулся в мою сторону всем корпусом.

– Как? – гаркнул он. – Как ему может быть хреннее... какое хорошее свежее слово! Он сейчас упивается поклонением своих придворных, преклонением всего народа!.. У них никогда еще не было такого короля, чтобы вот так за них, быдло сраное, отдавал жизнь... А теперь есть!

Я покосился на Ланселота, бледное лицо первого рыцаря пошло розовыми пятнами, но все еще не находит слов, дабы восстановить ровное течение дипломатической процедуры приема послов, и я сказал торопливо:

– ...но вы ее, его жизнь, не взяли! И тем самым не дали королю Арнольду обрести сан святого мученика, который куда выше, чем сан короля... Вы ему поднасрали куда больше, Ваше Величество, чем он вам. Да-да, он там бесится, на стены бросается... наверняка. Потому что умереть красиво вы не дали, а вот жить так же красиво он не сможет.

Он кипел от ярости, но сдержался, прорычал люто:

– Почему? Что ему помешает?

– Его слава, – объяснил я. – Он сейчас святой, вы абсолютно правы, Ваше Победоносное Величество. Ну а дальше? К святому и требования повыше, чем к королю. Одно дело – совершить подвиг вот так красиво, на рывке, на глазах у всех, другое – жить... подвижнически. Вы думаете, сможет? Голову кладу на плаху – не сможет. Могу даже свою. И никто не смог бы. Даже Иисус Христос не смог бы, останься он жив, а уж король Арнольд совсем не Иисус.

Священник, пугливо молчавший подле трона, сказал предостерегающе:

– Кто ты, смеющий так богохульствовать про Иисуса, сына Божьего?

Я покачал головой:

– А что бы Иисус сказал о кострах, на которых сжигаете несчастных, которых он не давал побивать даже камнями?.. Что он сказал бы о... Ладно, не будем увязать в теологии.

Ваше Непобедимое Величество, уверяю: это вы одержали победу!.. О вас говорят как о справедливом короле, который поступил правильно... это мы с вами понимаем, что вас просто приперли к стенке, как медведя рогатиной, но народу удалось засадить по самые... словом, другую версию!.. А вот Арнольду сейчас надо играть роль святого и дальше. А такое ни Арнольд, ни кто другой не потянет.

Священник кряхтел, явно хотел поспорить, но видел, как король понемногу начинает оживать, и умолк, забился за трон подальше и поглубже. Главное, мне удалось слегка развеять тоску короля, дать ему кончик веревки, по которой можно выбраться на божий свет со дна чернейшей и глубочайшей депрессии.

Конрад еще рычал в бешенстве, но в глазах появилась надежда. Он взглянул на меня почти с мольбой, не брешу ли, как попова собака? Только не брешу... или брешу, но не признавайся, что брешь.

– Не... потянет?

Я нагло улыбнулся.

– А что, по-вашему, кто-то на земле потянет?.. Если честно? Так что для Арнольда сейчас начинается падение. Долгое падение!

– Гм... – прорычал он в затруднении. – Если бы!

– Правда, Ваше Величество, – заверил я. – Ну, представьте себе, если бы вы вдруг предстали перед народом святым... как бы вам... э-э... дальше? Денек можно походить гоголем, в павлиньих перьях, а другой, третий?.. Арнольду теперь такое всю оставшуюся жизнь.

Конрад призадумался, в лице проступил страх. Он зябко передернул плечами.

– Святым?.. Нет, ни за вечное спасение!.. Лучше вот таким... грешным, но не так уж чтоб и совсем... Но Арнольду, собаке, так и надо!.. Пусть, гад, помучается с белыми крыльями за спиной.

– А вы, – сказал я настойчиво, – выглядите в глазах народа... как Алемандрии, так и Галли, а также всех воинов, – не важно, какого королевства, – как могучий и свирепый король, который одинаково наделен всеми рыцарскими доблестями!.. Вы знаете, какие слова труднее всего выговорить мужчине?

Священник и король задумались. Я видел, что и все рыцари заскрипели мозгами, думают. Даже Ланселот и вся наша свита впали в тяжелое раздумье.

Конрад нетерпеливо буркнул:

– А что тут думать?.. «Ты сильнее меня» – вот самые гадкие слова..

– Нет, Ваше Величество. Мужчине труднее всего сказать: «Я был не прав». На какие только ухищрения ни идут, только бы не сказать их!.. А вам даже не пришлось их говорить. Вы захватили королевство Арнольда, а потом вернули по своей королевской воле. Никто у вас не отнял, вернули сами. Теперь же вам просто стоит чуть-чуть закрепить свой имидж... то есть образ в глазах своих людей и вообще всего мира... Для этого, например, самое простое – отправить хотя бы тысячу воинов в крепость Зорр... тысячи, конечно, мало, но даже такой поступок сразу возвысит вас в глазах христианского мира. Или выставить на границах своего королевства заслоны против проникновения агентов Тьмы...

Священник торопливо забормотал молитву, глаза испуганно и с великой надеждой следили за мной. Король призадумался, прорычал:

– Да это нетрудно... Что для меня тысяча!.. Могу и пять, да надо ли?

– Вообще-то, – сказал я осторожно, – король Арнольд отправил в Зорр пять тысяч воинов.

Священник сказал суетливой скороговоркой:

– Благое дело сотворил, благое...

Конрад рыкнул, походил взад-вперед перед троном.

– Но я тогда и сам превращусь в иисусика!.. Меня заплюют мои же рыцари. Скажут, что вот-вот отрастут крылья, как у большого жирного гуся. И над головой уже нимб... хотя я знаю, что это просто рога срослись.

Я сказал проникновенно:

– Ваше Величество!.. Нет в Зорре иисусиков, нет. Есть нормальные здоровые рыцари. Что такое рыцари? Это крепкие мужчины с отвагой в сердце и...

Пальцы мои тем временем сняли с пояса молот. Конрад насторожился, глаза сузились, рука потянулась к рукояти меча. Я с силой метнул, держа взглядом скульптурную группу из руин Кельтуллы. Молот пронесся с диким воем, мраморная статуя треснула, взорвалась тысячью мельчайших осколков. Они еще летели через зал, а молот, описав красивую дугу, смачно шлепнулся в мою подставленную ладонь.

Я улыбнулся Конраду, что не сводил с меня глаз, повесил молот на пояс и учтиво поклонился.

– Как видите, Ваше Величество... А я ведь воин Зорра, христианского королевства.

В зале стояла потрясенная тишина. Рыцари застыли с выдернутыми из ножен мечами. Конрад кивком велел спрятать железо в ножны, посмотрел на меня, насупив брови:

– Что за чертов молот у тебя, рыцарь?

– Языческий, – ответил я. – Который, вон посмотрите, ваш священник не одобряет.

Священник, белый от ужаса, крестился, бормотал молитвы, руки мелькали со скоростью ветряной мельницы во время урагана. Он упал на колени и звучно бился лбом о мраморный пол, усеянный останками мраморной композиции.

– Да-а, – сказал Конрад с удовольствием. – Да ты еще и богохульник?.. Тебя ж за эту статую церковь проклянет!.. И на костер, на костер... Еще и танцы вокруг костра устроит.

– Наша, – сказал я и выдвинул по-ланселотьи нижнюю челюсть, – что в Зорре, не проклянет.

Он все еще колебался, раздумывал. В зале было тихо, Конрад был известен как непредсказуемый король, который решения принимает быстро, никогда не советуется с окружением... и почти никогда не ошибается.

– Ну, – проговорил он медленно, все еще раздумывая и подбирая слова, – если святоши Зорра такой молот не отобрали и не бросили в огонь... Ладно, на том и порешим! Я пришлю вам пять тысяч воинов!.. Нет, пять прислал Арнольд, я пришлю семь. Мог бы и тысячу, у меня один стоит десяти Арнольдовых, но... пусть будет семь.

Глава 3

Назад то неслись во весь опор, то ползли, как черепахи. Ланселот оглядывался, словно за ним мчался табун чертей с вилами. Но за нами двигалась прекрасно обученная конница, которой нужно давать время на отдых. Земля грохотала и стонала, когда все семь тысяч тяжелооруженных всадников – хвастливый Конрад прислал сильнейших – неслись за ними следом.

В конце концов Ланселот объявил барону Генкелю, командующему этим семитысячным войском, что мы поедем вперед, чтобы организовать им достойную их славы и воинского умения встречу. Но когда мы оторвались на полмили вперед, Ланселот повернул голову в мою сторону, и я увидел, что неустрашимый рыцарь смертельно напуган.

– Как, – воскликнул он в яростной растерянности, – как ты осмелился разбить священную реликвию?..

– Как? – переспросил я. – Да молотом, как еще... А здорово брызнуло?

– Не играй словами! – сказал он металлическим голосом. – Такого кощунства... даже от тебя не ждал!

– Но результат налицо? – спросил я. – Конрад отправил в Зорр большой отряд. Что еще?

– Да что Конрад... Тебе не дорога твоя душа?

Он покачивался в седле, ровный и железный, как прежде, но лицо впервые было испуганным, а глаза вылезали из орбит. Даже нижняя челюсть стала короче, что ее хозяина несколько не портило. С этой челюстью и страхом на морде лица он стал несколько человечнее, что ли. Но на меня бросал острые злые взгляды, что высекали искры о мои доспехи. Не будь этого железа, я бы уже истекал кровью.

– Я сумею это объяснить святой инквизиции, – ответил я. – Ну, попробую суметь.

– Да кто тебя будет спрашивать? Тебя сразу к столбу на площади! Я первым брошу факел на кучу хвороста!

– Не будем решать за святую церковь, – предложил я. – Это кощунство... это даже дьявольская гордыня – предрешать приговор святейшей инквизиции! Не так ли, сэр Ланселот?

Он задохнулся, будто его ударили бревном в живот. Я старался держать лицо каменным, по-ланселотьи, как я это называл, хотя сейчас Ланселот выглядел напуганным, как кролик под копытами боевого коня. Сам же я внутри трясся мелкой дрожью, ибо я вовсе не был уверен, что поступил правильно. Нет, я поступил правильно, но не уверен, что инквизиция это оценит так же, как оценил я...

– Главное, – сказал я, – что сам Конрад не расвирепел, что я разбил эту статую. Этого я страшился больше всего.

– Да ему на трофеи наплевать, – отмахнулся Ланселот. – Для него важнее привезти в свою столицу, показать, похвастаться, утвердиться, чтобы все видели. А потом уже и забывает.

За нами скакали наши рыцари, прислушиваясь к каждому слову. Граф Розенберг сказал весело:

– Ричард ему место освободил в покоях!

– Верно, – поддержал другой рыцарь, великан Крон де Гарц. – Там уже тесно, новые трофеи ставить некуда.

А третий, его имени я не знал, сказал с ухмылкой:

– А я слышал, что та святая семейка его самого давно раздражала. Привез сдуру, мол, там ее очень ценили, значит – дорогая. Там дальше у него все стены в дорогих мечях, топорах, кинжалах, что выгреб из королевских спален и оружейных! Эта статуя ему только мешалась.

Через две недели появились и начали приближаться серые стены Зорра. Мы услышали рев труб, скрежет железных цепей и скрип бревен в подъемном мосту. Он опускался медленно, нехотя, а лег на край противоположного рва с таким видом, что умрет, но больше не поднимется.

На стене и на верху каменной арки над воротами стражники весело кричали. Узнали Ланселота, да и мне досталась пара выкриков, но уже от щедрот. Металлическая решетка, выкованная из толстых прутьев толщиной в мою руку, медленно поползла вверх.

Направляясь в город или в замок, любой рыцарь всегда надевает боевые доспехи. И дорога бывает опасной, да и показать себя надо во всем блеске. Парадные есть далеко не у всякого, только самые знатные и богатые могут позволить себе подобную роскошь, но празднично выглядят уже сами по себе доспехи, щит с гербом, рыцарское копье, огромный конь под боевой попоной...

Правда, въехав в городские врата, а тем более в ворота чужого замка, рыцарь-чужак обязан снять доспехи. Если забывал, ему настойчиво, очень настойчиво напоминают. В доспехах пропускают только тех, кому хозяин замка доверяет всецело, но даже он обязан снимать доспехи, если приезжает с другими, чтобы не выделяться.

Среди серого народа, в серых одеяниях из мешковин, въезд рыцарей в город всегда зрелище. И сейчас на стены лезли те, кто успел раньше, другие выбегали из домов и выстраивались вдоль проезжей части улицы.

Наши кони привычно пошли по деревянному настилу моста. Решетка поднялась, я видел только блестящие острия, похожие на наконечники копий. По спине прошли мурашки, представил, что веревка оборвется и эта решетка сорвется вниз. Весит несколько тонн, припилит к земле вместе с конем, как таракана. Нет, как жука в его прочном хитиновом панцире.

Как только мы ее миновали, она стремительно понеслась вниз, будто и в самом деле оборвалась веревка. Железные острия с глухим стуком глубоко вонзились в сухую утоптанную землю. А впереди выход во двор перекрывает вторая решетка. Мы очутились в тесной западне. Из ниши в каменной стене вышел священник, обошел вокруг нас со святыми дарами в руках, прочел молитву, даже окропил святой водой. Мы терпеливо ждали. Под видом возвращавшихся рыцарей в Зорр уже не раз пыталась проникнуть нечисть, а проклятые оборотники каждый день придумывают новые трюки.

Наконец священник отступил, Ланселоту поклонился, на меня смотрел со страхом и ненавистью, но смолчал, знает о решении отцов инквизиции отложить решение по моей виновности.

Решетка заскрипела, поднялась, мы выехали из тени на ярко освещенное пространство. Во дворе за наше отсутствие словно бы прибавилось людей, но чувствуется и железная рука Беольдра: телеги вдоль стен, празднующихся загрузили работой, рядом с булочной спешно построили еще одну, беженцы не выстраиваются в длинную очередь.

Я ехал, красиво держа копье острием вверх. Конечно, даже мне не удержать это бревно вот так в руке, но оно тупым концом стоит в особой лунке в седле, немногим выше стремени, основную тяжесть несет конь, я только придерживаю, чтобы сохраняло равновесие.

Когда понадобится, я напыгу все мышцы и положу его горизонтально, но и тогда не буду удерживать этот рельс, а прислоню к луке седла, так делают все рыцари.

Когда проезжали через площадь к замку, из домов уже высыпали горожане. На нас глазили, выкрикивали приветствия, живо пересказывали, кто мы, чем знамениты. Жар прокатился вдоль спинного хребта, я заерзал в седле, сердце застучало чаще, заныло. Глаза отыскивали в толпе группу очень нарядных горожан, в середине – две женщины, мужчины вокруг,

одна из них смотрит прямо на меня. Я увидел карие глаза, вздернутые брови, изумленно раскрытый рот, коралловые губы...

Она смотрела на меня неотрывно, я чуть наклонил голову. Если бы не сдерживал себя изо всех сил, я бы поклонился так низко, что свалился бы с коня к ней под ноги, чтобы видеть ее, слышать ее запах, чтобы она что-то сказала мне, лично мне... пусть даже попинала бы меня своей божественной ножкой.

Я успел только снять доспехи и рубашку, слуга лил мне на голову воду из кувшина, я остервенело смывал пот и грязь, когда в дверь постучали. Мальчишка-слуга помчался открывать, я продолжал свой непонятный для христиан ритуал, ибо до крестовых походов тут еще не дошли или же прошли мимо таких возможностей, а культуру мытья в Европу занесли только возвращающиеся с Востока рыцари.

Слуга подал полотенце, за моей спиной скрипнул стул. Там сидел монах, когда только и появился, лицо скрыто надвинутым на глаза капюшоном, словно не желает видеть непонятный, а значит, дьявольский обряд. Из длинных широких рукавов высунулись худые морщинистые пальцы.

Я бросил полотенце слуге, он послушно протянул мне рубашку. Я сказал сердито:

– Есть же чистая, дурень!

– Но эта... эта ж совсем целая...

– Дурень, – сказал я зло, – пропахла потом, не чуешь? Пусть выстирают, а мне неси чистую. Да быстрее, а то...

Он исчез, из-под капюшона послышался смешок. Я молчал, только сердце колотится быстро и пугливо. Слуга принес рубашку, я влез в нее, и только тогда дряблая рука сдвинула капюшон на плечи, словно до этого монах не желал осквернить себя видом здоровой плоти.

Отец Дитрих, один из инквизиторов, за это время не то постарел еще, не то изнуряет себя аскезой. Морщины на худом лице стали резче, сутулятся, даже сидя. Седые волосы неопрятными космами лежат на плечах, лицо странно темное, словно не в церковных подземельях проводит время, а скачет на коне, подставив лицо палящему солнцу.

Его глаза следили за мной очень внимательно. Я стоял, не решаясь даже сесть, словно школьник младших классов перед строгим учителем. А то и директором школы.

– Ты можешь сесть, Дик, – сказал он, и я сразу отметил это «Дик» вместо «сын мой» или «сэр Ричард», – хотя разговор будет недолгий, ибо я просто шел мимо... в самом деле шел мимо, это не уловка.

– Спасибо, патер, – ответил я настороженно, – что заглянули...

– Заглянул, – ответил он. – Странно ты живешь... Во всем странность. Ладно, я о другом. В святейшем капитуле инквизиции уже составили свое мнение о твоём... поступке. И даже вынесли решение.

Сердце мое заколотилось, я спросил с трепетом:

– Какое?

– Однако, – сказал он, словно не слыша, – не одного меня заинтересовало... да-да, заинтересовало... Твои мотивы для нас непонятны. Чем ты руководствовался, Дик?

– Священным Писанием, – ответил я. – Или не Писанием, не помню. Но ведь где-то ж сказано: не сотвори себе кумира?.. Бог везде, а не в том камне!.. Как бы красиво и благочестиво ни изобразили Бога, но это грех идолопоклонства. Я просто уничтожил идола.

Дитрих не сводил с меня глубоко запавших глаз. В глубине зрачков проступили оранжевые огоньки, исчезли. Это слуга внес горящие свечи и пугливо исчез.

Голос инквизитора прозвучал строго, без каких-либо интонаций:

– Но тысячи людей в течение веков молились этому... изваянию. Как ты осмелился?

– Истинный храм строится в душе человека, – ответил я осторожно. – Потому дозволено будет разрушить даже неверно построенную церковь... ибо созданное руками человека не может равняться с тем, что строит сам Господь. Никто не смеет изображать Бога...

А про себя добавил, что ислам пошел еще дальше, запретив изображать даже людей и животных, вплоть до цветов, все из того же страха впасть в идолопоклонничество.

– Бог – это дух, – закончил я. – А у духа нет образа.

Дитрих помолчал, всматриваясь в меня глубоко запавшими глазами. Я чувствовал его интенсивный взгляд, но, странное дело, сейчас не было страха. Тогда, в разговоре с Ланселотом, страшился, инквизиция может с ходу на костер, но увидел Дитриха, его умное просветленное лицо и строгие глаза, и сразу ощутил себя увереннее.

Наконец Дитрих замедленно кивнул. Даже не кивнул, а чуть-чуть наклонил голову.

– И твой молот, – сказал он бесстрастно, – послужил орудием Божьего гнева, что сокрушил идола... Мы давно негодовали на ту мерзость, но у нас нет власти в чужих странах. Как, впрочем, нет и здесь. Это хорошо, Дик, что ты сделал это не из озорства, не из дьявольской гордыни, не для того, чтобы побахвалиться перед чужим королем своей мощью, а лишь смиренно преисполнившись Духом Божьим. Что я могу тебе сказать, Дик? Только что в тиши закончилось тайное заседание святейшей инквизиции...

Я ощутил холодок под сердцем. Все тело напряглось, дыхание застряло в горле. Дитрих сказал торжественно:

– Святая церковь в своей бесконечной милости... руководствуясь гуманностью и христианским смирением... с радостью в своем любящем сердце... ах да, забыл добавить, что большая часть отцов церкви полагает, что то вовсе не грех изображения Господа Бога! Просто в давние времена, еще до прихода Иисуса Христа, бедные идолопоклонники, не знавшие света истинной веры, так изображали своих богов, ныне демонов... Потом неграмотные люди решили, что это и есть древние изображения Святой Троицы... Да, так вот, возвращаясь к решению святейшей инквизиции... Решением святейшего трибунала с тебя снято... обвинение в сношениях с дьяволом или служении его воле.

– Фу, – выдохнул я с облегчением, – что ж вы тянули, отец Дитрих? Я чуть не обоссался. Конечно же, я не знаю молитв, но я... стараюсь отыдти от зла и творить благо! Как могу, конечно.

Он сказал благочестиво:

– Ты уже сотворил молитву.

– Я?

– Да. И твоя молитва дошла до Божьего слуха.

Я раскрыл рот, всмотрелся в его глаза, где появилось подобие улыбки.

– Это молотом по мрамору?... Да грохот был такой, что могли услышать и на небе. А у Бога, думаю, слух, как у... словом, хороший слух.

– Молитва делом, – сказал он просто, – самая лучшая молитва.

– Спасибо, отец Дитрих!

Он с кряхтеньем поднялся, уже повернулся уходить, взглянул через плечо:

– Господа Бога нашего благодари за Его милосердие... Но вообще-то, Дик, я не хотел бы на твое место. Мне Бог всегда поддержка и опора, совет и утешение, в нем я нахожу понимание и прощение... но ты, не принимающий Бога, не принимающий Дьявола, ты – одинок, ты страшно одинок... А как может душа человеческая жить в черном одиночестве?

Я пошел проводить до дверей, поколебался, сказал со стыдом:

– Мне совестно, отец Дитрих, но, когда Сатана говорил со мной, больше всего мне не понравилось... что он сразу на «ты». Я уверен, что Господь Бог, если бы заговорил, обращался бы как «сэр Ричард». Как верховный сюзерен, но – на «вы». Вот просто почему-то уверен! Я понимаю, «ты» упрощает отношения, сближает и все такое, но вот не могу... это

противно даже, чтоб вот так сразу... или чересчур быстро. Для «ты» надо созреть. А сразу – все равно что тащить морковку за листья, пусть быстрее вырастет!

Он взялся за ручку двери, помедлил, голос прозвучал строже:

– Сын мой даже не догадывается, насколько глубоко проник... Прародитель наш Ной дал человеку всего три запрета, но навеки отделил ими человека от скотов. Святой Моисей добавил еще семь, и человек стал ближе к Богу, а от скота дальше. Иисус Христос принес еще правила и ограничения, а отцы церкви, развивая его святое учение, воздвигают новые нравственные запреты, тем самым человека делают человечнее, а дьявола посрамляют, ибо тот жаждет человека ввергнуть в скотство. И это поспешное «ты» – тоже от дьявола! Ты этого не знал, но... ощутил. Да будет с тобой благословение церкви!

Он ушел, а я, стиснув челюсти, смотрел вслед. Может душа человеческая жить в одиночестве, может. Если оглушить, как кроля обухом меж ушей, если каждую свободную минуту заставить развлекаться и – не думать, не думать, ни в коем случае не думать!!!

Глава 4

Дверь скрипнула, в проеме появилась лохматая голова. Из-под грязных нечесанных волос на меня уставились круглые испуганные глаза.

– Уже ушел?

– Нет, – ответил я раздраженно. – Вот он сидит!

Слуга взглянул в страхе на пустой стул. Волосы начали подниматься на его дурной голове с оттопыренными ушами. Я подосадовал на свою дурацкую шуточку, уже сегодня вечером все во дворе будут знать, что у меня сидел призрак монаха, что ко мне летают голые бабы с крыльями, а из-под пола вылезает... ну, что-то вылезит.

– Изыди, – велел я. – Если опять пережаришь мясо, я тебя самого на сковородку!

Он исчез, только за дверью послышался быстро удаляющийся топот башмаков на деревянной подошве. Я впери́л взор в стену, там то, за что мужчины готовы отдать полжизни, а то и жизнь: дивный меч в ножнах старинной работы, его отточенное, как острейшая бритва, лезвие рубит любые доспехи, а на нем ни единой щербинки, дальше – треугольный, с выемками вверху по краям рыцарский щит, дивная чеканка... на простом крюке мой чудесный молот, бьет подобно гранатомету, возвращается в ладонь вернее бумеранга...

А если учесть, что вон в углу на отдельной лавке доспехи Арианта, древнего героя, их не пробить никаким оружием, то я защищен едва ли не лучше всех в Зорре. Но счастливее ли я... если она приехала к какому-то сраному мужу, а я томлюсь здесь, как менджнун долбаный, изнываю, мне хреново, но что я могу сделать?

За спиной послышался легкий понимающий смешок. Рука моя метнулась к поясу, где пальцы обычно натываются на рукоять кинжала. Это получилось бездумно, сзади прозвучал мягкий интеллигентный смех.

Он стоял посреди комнаты, одетый просто, но, как говорят, со вкусом. Обычный такой зажиточный горожанин. Средний, самый средний из них. Живые черные, как спелые сливы, глаза наблюдали за мной с интересом.

– Раньше у вас этого жеста не было, – заметил он. – Позвольте присесть?

– Да, конечно, – сказал я. – Располагайтесь... Как говорят: будьте, как дома, но в холодильнике – ни-ни. Удивлен, что вы так спокойно появляетесь в таком месте, как Зорр.

Он уже сидел в свободной непринужденной позе, забросив ногу на ногу, причем самым элегантнейшим образом, когда лодыжка одной ноги покоится на колене другой. Я вынужденно сел напротив, чтобы не давать преимущества дьяволу даже в такой мелочи.

– Да, – признался он, – Зорр – довольно неприятное место. Одни святоши, полно попов, черных ряс... Мракобесие какое-то!..

– А их аура святости не мешает?

Он покачал головой.

– Нисколько.

– Ничуть? – спросил я, не поверив. – А я слышал, что стоит только показать крест, как исчезаете с жутким воем и... простите, неприятным запахом.

– Бред, – ответил он, – преувеличение своих сил, преуменьшение сил противника – все привычно, все всегда одинаково... Правда, я не могу оставаться, если меня не желают видеть или слышать, это закреплено в Правилах... ну а так я вообще-то вхож, как вы знаете, даже к Богу. В любое время. А там, как догадываетесь, аура помощнее, чем среди этих вонючих попов, что всю жизнь не моются.

– То аскеты не моются, – возразил я. – Да некоторые из монахов, давшие такой обет. Ладно, дело не в этом. Чем я обязан вниманием человека, который вхож в покои... даже не решаюсь назвать имя Верховного Сюзерена?

Он сдержанно улыбнулся, обронил:

– А его имя никто не знает. Но это так, к слову. Вы, помнится, высказывали мысль... желание посетить южные страны?

– Да, – согласился я и подумал, что дьявол явно слышал мой разговор с Дитрихом, ибо мгновенно перешел с фамильярного «ты» на более вежливое «вы». – Высказывал.

– И как сейчас?

– Не передумал, – ответил я твердо.

Он щелкнул пальцами, на столе появился золотой кувшин такой дивной чеканки, что у меня остановилось дыхание. Второй щелчок – возникли два старинных кубка, тоже золотые, мелкие рубины идут по ободку, зеленые камешки всажены в основание.

– Хотите вина?

Я подумал, отрицательно покачал головой.

– Нет.

– Почему? – спросил он хитро.

– Мне нужна чистая голова, – ответил я, – и ясный, по возможности, мозг.

Он сказал восхищенно:

– Прекрасный ответ!.. А я уж подумал, что сошлетесь на запрет пить с дьяволом. Ладно, тогда скажу сразу, что я кое-что придумал... Сложная такая комбинация, с вовлечением очень многих переменных... Но я единственный в этом мире гроссмейстер, которого... В детали вас посвящать не буду, скажу только, что у вас появится возможность посетить те самые южные края.

Я кивнул, мол, спасибо, но вслух поинтересовался:

– А какая вам от этого выгода?

Он улыбнулся.

– Вы правы, выгода должна быть во всем. Странно, что вы все еще не с нами. Собственно, вы уже с нами, только не признаетесь в этом... даже себе. Но по завершении этой комбинации вы это признаете. Да-да, вы скажете это вслух. Ибо сказать будет из-за чего... Кстати, вино очень легкое. От него голова никогда не болит.

Я потряс головой.

– Ни фиги не понял. Что я признаю?

– Что вы с нами, – ответил он. – Это будет... заметно. Вообще я люблю, чтобы это было заметно всем. Скажем, в этом городе однажды вместо голубей взвываются прелестные такие летучие мыши!.. Почему мыши? Да просто потому, что я их люблю. А голубей не люблю. Вопреки распространенному мнению, голуби – довольно грязные животные.

– Летающие крысы, – сказал я невольно. – Да, у нас их называют именно так. За одинаковый набор болезней, что разносят с крысами вместе. Значит, когда здесь вместо голубей взвываются летучие мыши... я пойму, что в чем-то проиграл?

– Поймете раньше, – сообщил он. – Это другие поймут с появлением над Зорром летучих мышей. Я сейчас вообще предложил одно интересное пари... Нет, не с вами, намного выше, мой дорогой рыцарь, намного выше!.. На карту будет поставлена судьба самого Зорра... под каким знаменем ему быть. Естественно, я тоже кое-что поставлю на карту, но я-то знаю, что в расчетах и стратегии мне нет равных!.. Кстати, насчет летающих крыс – спасибо. Прекрасное сравнение. У вас их так зовут?.. Все больше убеждаюсь, что в вашем мире я победил давно и прочно.

Предостерегающий холодок прокатывался по моей спине, проникал во внутренности. Я чувствовал, как шевелятся волосы, руки уже покрылись гусиной кожей.

– Гроссмейстер? – переспросил я как можно более ровно. – В моем мире гроссмейстером рыцарского ордена становился обычно самый сильный рыцарь... В нашем понимании – черный рыцарь Зла. Псы-рыцари и все такое. Как у вас с этим?

Он хитро прищурился.

– Вас интересует, принимаю ли я участие лично?.. Принимаю, как видите.

– Я имею в виду...

– Понятно, на коне и с копьем наперевес?.. Вынужден разочаровать, нет. Я питаю глубочайшее отвращение к подобным... подобному. Мой статус непревзойденного стратега заставляет меня пользоваться только...

Он остановился, подыскивая слова. Я подсказал:

– Идеологией. Пропагандой. Пиаром... Здесь это называется искушением, соблазнением, совращением.

Он просиял:

– Как вы хорошо и точно подбираете слова! Пожалуй, я добавлю к своему арсеналу эти термины, суть которых смутно понимаю... Они, как я чувствую, ориентированы на умы чуть выше рангом среднего. Совращения – для черни, идеология – для рыцарского сословия. Верно? Вот видите, я готов учиться всему, у всех, что и делаю. А эти ваши рыцари свысока смотрят на все, даже читать и писать не желают учиться... Говорю вам абсолютно честно, да вы и сами это видите: я никогда ни при каких обстоятельствах не вмешиваюсь в жизнь людей, зверей и всего сущего своей силой или магией. Ах, сэр Ричард! Если бы вы знали, какое это наслаждение – заставить пусть самого мелкого и ничтожного человечка поступать по своей воле... а я двигаю народами!.. то вы бы никогда не предположили такую глупость, что я способен кого-то стукнуть палкой по голове! Нет, нет и еще раз нет. Это против моих принципов. Или нет, ведь принципов у меня нет, но это против моей натуры. Это... это...

– Микроскопом забивать гвозди, – сказал я. – Э-э... королевской короной забивать железный крюк в стену. Да, теперь понимаю.

От кубка с вином шел пряный аромат. Я машинально взял, глаза моего собеседника сперва расширились в изумлении, тут же сощурились. Он взял второй кубок, но чокаться не стали, я отпил чуть, вино приятно обожгло горло. Вкус был слегка терпкий, какой я люблю.

– В самом деле легкое, – сказал я. – Прекрасное вино.

– Вот видите, – сказал он весело, – и я что-то делаю людям приятное!

Мы улыбались друг другу, но если он держался как с потенциальным сообщником, то мне такая вежливость больше напоминала изысканную вежливость дуэлянтов.

Настал вечер, затем поздний вечер, пришла ночь, я метался по дому, как загнанный зверь. Слуги слышали мои тяжелые шаги, забились в норы, как пугливые мыши. Наконец свежий воздух охладил мое раскаленное лицо, я сообразил, что иду по улице, а эти серые громады, что мелькают по обе стороны, – это дома.

Крупная луна поднялась над крышами. Черные зловещие тучи заглатывали ее часто, тогда я шел почти наугад, но потом мне стало хватать даже редкого рассеянного света от слабой свечи, что пробивается в щель между плотно закрытыми ставнями.

Затаившись, я долго наблюдал за высоким мрачным домом, а когда уверился, что никого поблизости нет, быстро перелез высокий забор. На самом верху меня пронзил тысячами ядовитых стрел немыслимо яркий лунный свет. Я ощутил себя вытолкнутым на сцену перед тысячей ждущих глаз, поспешно свалился на ту сторону. Затрещали кусты, что-то колючее впилося в мою руку, царапнуло шею. Я затаился, как мышь в углу комнаты, по которой ходит огромный свирепый кот.

В саду затихло, мертвая тишина. Запел робко кузнечик, а другие, выждав и видя, что смельчака никто не съел, поддержали тонкими прозрачными трелями. Я прислушался, какой там хор, это говорят тупые неучи, каждый орет свое, охраняет личный участок и зазывает самку. Все стараются перекричать друг друга. В этом мире, как у людей, кто кричит о себе громче, того и считают лучше, сильнее, красивее...

Глаза уже привыкли к темноте, а когда я поднялся над кустами, рассеянный свет, что проникал сквозь кроны, уже высвечивал весь сад в черно-белом цвете. Громада дома угадывалась в десятке шагов. Пригибаясь, я добежал до стены, там глубокая тень, затаился на долгих пару минут, потом начал тихонько красться вдоль стены.

Она стояла в каменной нише, то ли чтобы прятаться от дождя, то ли от падающих сверху камней, никогда не пойму тонкости жизни в замках. Ее взор был устремлен в глубину сада. Я выпрямился, в груди больно от толчков изнутри, я жадно вбирал ее всеми чувствами, фибрами, нервами, душой и сердцем.

Она обернулась, ощутив мой взгляд. Я вышел из тени. Она стояла молча, ее глаза обшаривали мое лицо.

– Леди Лавиния, – начал я и запнулся.

Она сказала тихо:

– Не надо. Я нарочно вышла в этот сад... ночью. Почему-то мне показалось...

– Мне тоже почудилось, – сказал я тоже совсем тихо, – что смогу увидеть вас здесь. Это было дико, неразумно... это был зов сердца, а не ума, но я пошел за своим сердцем...

Она покачала головой, ее глаза все еще не отрывались от моего лица.

– Сэр Ричард, – прошептала она, – тот самый... то-то я сразу ощутила, что под маской простолюдина скрывается то ли сам сатана, то ли дьявол...

– Но никак не ангел, – закончил я.

– Не ангел, – согласилась она грустно. – Иначе моя душа не горела бы, как в огне.

Я протянул к ней руки. Она только что была там, на ступеньках, и в следующее мгновение оказалась у меня на груди, тесно прижавшись, обхватив меня обеими руками.

– Леди Лавиния, – прошептал я. Мои губы бережно касались ее волос. – Ох, леди Лавиния...

Ее тело вздрагивало, она сказала быстрым сбивчивым шепотом:

– Мы оба обезумели. Это наваждение!.. Это искушение... против которого мы не устояли. Это сумасшествие, что мы делаем, что мы делаем...

В лунном свете на ее щеках заблестели мокрые дорожки. Я с невыразимой нежностью и бережностью осушал их своими твердыми, как дерево, негнушимися губами.

– Леди Лавиния... Мы оба понимали, что начинается... и сопротивлялись как могли...

Она слабо улыбнулась.

– Да уж...

– Было заметно?

– Это когда в носу ковырялись?

Она даже хихикнула, сейчас можно, мы в объятиях друг друга, мы на небесах, время для нас остановилось, вечность замкнулась, мы наконец-то в том, к чему наши души все время стремились, а мы не понимали, двое прекраснодушных идиотов...

Я возвращался поздно, ноги мои заплетались, но я чувствовал, что иду, как эльф, едва касаясь ногами земли, а то и плыву над нею в стиле «а мне летать, а мне летать, а мне летать охота!» Уже возле дома из тени выпрыгнула человеческая фигура. За молот хвататься поздно, я выдернул из ножен кинжал.

Человек торопливо вскрикнул:

– Ваша милость, это я, Зардан!.. Король послал за вами. Срочно.

Я сунул кинжал в ножны, не попал, снова потыкал, пока узкое лезвие отыскивало щель. Королевский посланец переступал с ноги на ногу.

– Давно ждешь?

– Да, – ответил он торопливо. – Ваш слуга сказал, что вы на прогулке. Я уж хотел было искать, но не знал ваши любимые места...

«Теперь у меня такое место есть», – подумал я, но вслух сказал:

– Тогда, наверное, уже поздно? Все-таки ночь.

– Король велел, – сказал он непреклонно. – Что будет, если я вернусь и скажу, что вы отказались подчиниться?

– Лучше даже не представляй, – посоветовал я. – Пойдем!

Королевский дворец выглядел темной громадой на темно-синем небе. Луна серебрит крыши и верх башен, все остальное выглядит чернее дегтя. Но ворота открыли сразу, стража бдит, а наши лица в свете факелов увидели издали. В залах половина светильников погашена, суровый Зорр не тратит зря масло.

Стражи молча указали на двери в малый зал. Один оставил копье у стены и распахнул передо мной створки. В хорошо освещенном помещении за узким столом сидят двое. Шарлегайл ко мне лицом и спиной – плотного сложения мужчина в очень пышной одежде. Между ними серебряный кувшин и два золотых кубка.

Я поклонился от двери, сделал несколько шагов, положил руку на сердце и поклонился снова. Шарлегайл вялым жестом велел мне без всяких церемоний садиться за стол третьим. Я послушно сел, неофициально – так неофициально, я ж понимаю разницу, посмотрел на собеседника короля.

Крупный мужчина с надменным лицом и манерами государственного деятеля. Щеки на плечах, напомаженные волосы блестят, а холеная борода заплетена в мелкие косички. Стол закрывает брюхо, да еще масса пышных одежд, но я ощутил, что его брюхо лежит на коленях. Одежды на нем как на капусте, только капуста скромнее, а на этом все цвета радуги...

Шарлегайл сказал скупно:

– Ричард, это лорд Нильс из рода дель Гендагарров. Мы уже все обговорили, так что тебе только... выводы. Как ты уже знаешь, сэр Ланселот сегодня ночью был ранен...

Я ахнул:

– Как?.. Ведь мы отбросили Карла...

– Не Карл, – ответил Шарлегайл. – Враг заслал к нам под покровом ночи подлых убийц...

Вельможа, который Нильс из рода дель Гендагарров, сказал ластиво:

– Это они пытались покуситься на вашу драгоценную жизнь!

– ...но Ланселот спит чутко, – проговорил Шерлегайл, не поведя и бровью. – Он не успел схватиться на меч, но, даже раненый, отнял у них мечи и поразил их всех троих. Сейчас лекари...

Вельможа прервал:

– Ваше Величество, вы зря тратите время на этого простолюдина... Ах да, простите, он уже рыцарь!.. Я сказал, что мой брат вызвался отвезти святыню! Не знаю, что на него нашло, но он просто умолял меня прийти к вам и уговорить поручить это славное дело ему.

Я молчал, еще не понимая, Шарлегайл сказал слабым, надтреснутым голосом:

– Дик, это Ланселот с Бернардом должны были... Но Берnard хоть и не ранен, но... понимаешь, он хорош только в паре с Ланселотом. Они дополняют друг друга. Вместе они уже не двое, а дюжина... Словом, так уж получилось, что брат вот этого лорда отправится в Кернель.

Я ощутил озноб по всему телу.

– Ваше Величество... Разве Кернель – это не та крохотная крепость где-то далеко на юге, что единственная уцелела... не сдалась войскам Тьмы?..

– Верно, Дик.

– Но это же... пройти через занятые врагом земли! Ни одно войско не сможет...

У меня перехватило дыхание. Где войско не пройдет, там могут пройти двое. Особенно если оставят доспехи и пойдут как бродяги или погорельцы.

Шарлегайл словно прочел мои мысли, покачал головой:

– Нет, Дик, пробираться не придется. Святая церковь, конечно, осудит нас, но королям приходится принимать решения, которые вызывают чье-то негодование... Словом, оборотники передали через Беольдра, что завтра наступает благоприятный момент, который бывает только раз в тысячу лет. Звезды как-то выстраиваются так, что... словом, в Кернелль можно перенестись будет за сутки и тут же вернуться обратно!

Вельможа хмурился и всеми гримасами мясистого лица выражал недовольство при упоминании оборотников, а при последних словах кивнул и сказал жирным голосом:

– С церковью можно поладить. По возвращении герои покаются, примут положенную епитимию. Ну, можно попоститься пару дней... Я пожертвую на святую церковь двадцать кругов воска, десять кусков парчи. Словом, договоримся.

– Надеюсь, – проронил Шарлегайл сухо. Он обратился ко мне: – Дик, ты будешь сопровождать сэра Гендельсона. Сэр Гендельсон – это тот рыцарь, что отправится в Кернелль.

Вельможа морщился.

– Ваше Величество... Что там делать... этому человеку? Мой брат справится один.

– Знаю, – ответил Шарлегайл. – Но я король вот уже сорок лет. У правителей вырабатывается чутье. Я просто чую этот мир, иногда даже вижу те незримые нити, что приводят в движение народы, двигают тучами, посылают гадов бросаться с обрыва в море... Я чую, что будет лучше, если благородный Гендельсон будет не один...

Вельможа развел руками, но всем видом показывал, что людям из его рода любые моря по колено, а этот выскочка Ричард лишь примазывается к славе его благородного кузена.

Я спросил тихо:

– Ваше Величество... когда отправляться?

– Завтра, – ответил король. Печать старости, что сквозила в каждом движении, сейчас прозвучала в словах. – Завтра с утра... То есть сегодня. Сейчас.

Я с ужасом посмотрел в окно на восток. Там у самого горизонта начала светлеть полоска.

Обратно я не шел, а бежал, летел. Город спал, не проснулись даже булочники, я несея вдоль темных стен, только однажды впереди блеснул слабый огонек, осветилось окно. В щель между ставнями мелькнула тень, донесся тонкий плач младенца.

Дом под черепицей тоже спит, все окна черные. Даже на втором этаже ставни закрыли окна наглухо, как и на третьем, последнем, где уже обходятся без ставней... Я перебрался через забор, высокий, толстый, на цыпочках побежал по саду, обогнул дом с тыла.

Кусты и деревья закрывают обзор, наконец я рискнул выбраться из зарослей роз. Сердце застучало чаще. Из открытого окна на третьем этаже льется приглушенный медовый свет, словно там догорает толстая свеча с красящими добавками. Мелькнул силуэт, я задержал дыхание, во мне все молится, трепещет – и Господь услышал мой безмолвный вопль, мимо окна прошла она, уже в ночной сорочке, все еще никак не может заснуть... тоже строит планы, помнит, волнуется...

Пальцы мои безуспешно шарили по земле. Песок, белый холодный песок, а если и попадают под кустами сучки и веточки, то чересчур легкие. Мелькнула мысль бросить молот, но как приспособить так, чтобы не испугал ее... так и не пришло в голову, даже не приползло.

Наконец выковырял втоптаный в землю камешек. Очистил от грязи, долго прицеливался, а когда замахнулся и швырнул, сразу понял, что надо брать ниже, в потемках глазомер не тот. Камешек ушел на крышу, и хотя там черепица, он исчез, будто в вязком болоте.

После долгих поисков в темноте нащупал еще один, великоват, разломил, постарался успокоиться. Камень ударился к стене рядом с окном. Другой, сердце затрепыхалось, как курица в ладони мясника, влетел в комнату.

И снова ничего не происходило. Я ощутил отчаяние. Какого черта, там же наверняка ковры в ладонь толщиной, там масса подушечек на полу, маленьких таких, их носят даже с собой, чтобы не садиться на холодные каменные скамьи...

Я снова шарил, сцепил зубы, измазался, исколол ладони, сам искололся о колючие ветви, набрал камней уже две пригоршни, приподнялся... Между деревьями в мою сторону неслышно скользила женская фигура. Узкий луч прорвался сквозь тучи и кроны, она вспыхнула в этом луче и дальше бежала, налитая светом, светящаяся изнутри чистым неземным огнем.

Мои пальцы расцепились, камни посыпались на землю. Лавиния в ночной сорочке, золотые волосы свободно падают на плечи. Я увидел золотой обруч, что прижимает ее волосы ко лбу. Сорочка на груди распахнута, а ступни ее, маленькие и нежные, ступают по этой грубой колючей земле.

Она увидела наконец меня, бросилась навстречу. Я ухватил в объятия дорогое нежное тело, прижал к груди. Ее ноги оторвались от земли. Глаза ее были широко распахнуты, карие и по-детски чистые. В них блестели слезы. Пунцовые губы вздулись.

– О, сэра Ричард, – выдохнула она. Страх и надежда боролись на ее детском лице, в широко распахнутых глазах вспыхивали и быстро гасли золотые искры. – Сэр Ричард... У меня было такое счастье... а потом нахлынуло тяжелое предчувствие. Неужели... что-то стряслось?

– Король посылает меня в Кернель, – сказал я тяжело.

Она испуганно вскрикнула:

– Кернель?

– Да...

– Но это же... Это же где-то в южных землях!

Чистые глаза сразу наполнились слезами. Я привлек ее к себе, поднял голову за подбородок, нежно поцеловал в глаза, выпив слезы.

– Это недолго... Король сказал, что обернемся за сутки.

Она прошептала сразу распухшими от горя и слез губами:

– Но как это можно?

– Можно, – ответил я тихо.

Она сказала еще тише:

– Но почему ты?

– Не знаю, – ответил я честно. – Похоже, что только я что-то могу сделать лучше других. Лавиния, я вернусь быстро!.. И сразу же пойду к королю. И к королеве. Я им расскажу все...

Она ахнула, прижала ладонь к губам. Глаза ее со страхом и надеждой смотрели в мое грозное лицо. У королевы передо мной должок, мелькнуло в моем черепе. Да и король на меня рассчитывает, он не должен сопротивляться. Правда, церковь будет категорически против, церковный брак свят, нерушим...

– Я боюсь, – прошептала она. – Не делаем ли мы дурно?

– Нет, – ответил я.

В ее чистых глазах блестели слезы.

– Но я клялась перед алтарем быть мужу верной... Не оставлять его ни в богатстве, ни в бедности, ни в здравии, ни в болезни...

Я нежно поцеловал ее щеки, глаза.

– Я люблю тебя, Лавиния. И Бог тебя любит, он тобой любит, он никогда не захочет тебя огорчить или сделать тебе больно. Все, что мы делаем, – угодно Богу. Бог на нашей стороне! Вот увидишь.

– Я так боюсь... за нас, Ричард!

– Все будет правильно, – сказал я горячо. – Бог с нами. Вот увидишь – он с нами. А люди... люди могут ошибаться. Как и законы, что придумали люди, они – временные. Сегодня одни, завтра другие. А те законы, что установил Бог, – вечные. Мы с тобой живем по Божьим законам.

Мелькнула мысль, что отец Дитрих, великий инквизитор, тоже будет на моей стороне. На нашей. Хотя я формально нарушаю законы церкви, даже Церкви, но всегда есть исключения... И хотя это звучит подленько, вроде бы ищу лазейку, мол, для всех низя, а мне, замечательному, по благу можно, но ведь действительно существует мораль для простолюдинов... назовем ее моралью простого человека, электората, и моралью господ, как их называл Ницше. Как всем нельзя уйти в рыцари, кто же тогда будет пахать и сеять, как всем нельзя в монахи – род людской пресечется, так для всех нельзя распустить строгие вожжи нравственности – рухнет общество...

– Я тебя люблю, – сказал я твердо.

Она крепко-крепко прижалась к моей груди.

– Это я тебя люблю, Ричард. Я умру без тебя. Мне уже плохо и страшно только при мысли, что ты покинешь Зорр хоть на день!

– Я вернусь, – ответил я, почудилось, что уже когда-то говорил. – Я вернусь, Лавиния!

Она слегка отстранилась, чтобы мои руки приподняли ее ночную рубашку. Ее чистое нежное тело было целомудренным и трепетным. Я обнял ее, как изгнанный Тристан обнимал Изольду, жену короля Марка, как обнимал ее человек, обреченный тайком урывать любовь, которая на самом деле принадлежала ему по праву.

Глава 5

Алая заря охватила полнеба, из-за края городской стены показался край сверкающего диска. Меня пошатывало, я шел с блаженной улыбкой идиота. Душа порхала, взмывала, я взмывал с нею, ноги едва касались земли.

До моего дома рукой подать, мимо как раз проплывала каменная громада костела. Я сделал шаг в сторону, плечо ударило в тяжелые створки. Навстречу потекли струйки ладана, а когда я вступил под высокие строгие своды, запахи словно бы рассеялись. В окна с цветными стеклами проникли первые лучи утреннего солнца.

Я медленно пошел по широкому проходу. Луч света наискось высветил широкий квадрат впереди. Остальной зал казался темнее, таинственнее. Далеко впереди у алтаря спиной ко мне стоял на коленях человек в черном плаще. Капюшон был надвинут низко на глаза.

Молился он молча, я подошел и опустился на колени рядом. Он явно слышал еще издали звон моих рыцарских шпор, но не шелохнул бровью даже тогда, когда я оказался бок о бок. Я уловил, что он закончил молитву, лишь когда услышал вздох, а его напряженная фигура заметно расслабилась. Я кашлянул, но он оставался в том же коленопреклоненном положении, головы не повернул, лишь сказал коротко:

– Я слушаю вас, сэр Ричард.

– Отец Дитрих, – произнес я, – душа моя уязвлена стала... Мне утром... уже сегодня!.. в далекий поход, хоть его и обещают сделать кратким, но я в страхе и растерянности...

Он проговорил, все еще не поворачивая головы:

– У тебя сильные руки, сэр Ричард. Ты крепко держишь меч, тебе повинуется молот древних людей, живших до потопа. Что еще?

Я помедлил, колебался, сказал, решившись, будто бросился с вышки в темную воду:

– У меня был гость.

Некоторое время он молчал, только кожа натянулась на скулах сильнее да выступили желваки. Глаза неотрывно смотрели в одну точку.

– И ты... пришел с этим сюда? В святую церковь?

– А куда мне еще идти? – возразил я.

Он помолчал снова, сказал со вздохом:

– Прости, ты прав. В чем был соблазн Врага?

– Не знаю, – ответил я честно.

– Как это... не знаешь? Что он предлагал? Что сулил? Победы в турнирах? Власть над Зорром? Корону Срединных Стран?.. Вечную молодость?

Я покачал головой.

– Отец Дитрих, меня на такую мелкую рыбу не поймает. Он это знает, даже не предлагал такой дури. По-моему, ему просто интересно со мной общаться.

Он отшатнулся, даже попытался отодвинуться от меня, елозя коленями по холодным каменным плитам. На лице были страх и отвращение.

– Общаться?.. – выкрикнул он и заговорил быстро, торопливо, слова слетали с губ, будто он выстреливал ими: – Не верь, не верь Врагу... У Врага нет ни друзей, ни приятелей! Есть только слуги. Но даже слуг нельзя назвать верными, ибо служат не по совести, а по выгоде! А такие слуги предадут при первой же возможности... Это уловка, сэр Ричард. Ты прав, прости меня!.. Враг любого из нас ловит на то, чего тому жаждет. И умеет этим пользоваться, как никто другой.

Я поник головой, не мне тягаться с дьяволом, проще новичку в шахматах побить гроссмейстера, а дьявол даже не гроссмейстер, он – абсолютный чемпион, никто лучше его не рассчитывает ходы.

– Это моя вина, – сказал я горько. – Моя гордыня, моя спесь!.. Каждый человечек стремится ощутить свою важность... Говорят, такова природа человека. Или по крайней мере природа мужчины... Как я хотел, чтобы я что-то да значил в мире! Чтобы меня замечали, со мной считались!.. И вот теперь я оказался... ну очень важным... Мое появление может изменить здешние события, хотя я еще не понимаю, как... Меня призвал дьявол, теперь уже не сомневаюсь, но что-то я не хочу играть по его правилам!

– Похвально, сын мой...

– Но, играя по своим, не играю ли я на самом деле по его правилам?

– Почему ты так решил, сын мой?

– Потому что именно он дает свободу! Свободу мысли, свободу чувств, свободу... свободу от всего!

Инквизитор помрачнел, сгорбился еще сильнее.

– Да, – проговорил он с трудом, – вот потому с дьяволом так трудно спорить. И состояться. Даже самые стойкие из нас немножко... на стороне дьявола.

Я ахнул:

– Святой отче! Как можно?

Он опустил глаза.

– Можно, – ответил он хриплым голосом. – Подумай, и увидишь, что это еще как можно.

Я встал, поклонился.

– Спасибо, отец Дитрих. Я постараюсь держаться. Не знаю, что получится, но... постараюсь.

Он тоже встал, лицо его было бледное, изнуренное, глаза запали в темные пещеры. Наши взгляды встретились, он сказал хриплым голосом:

– И еще одно... на прощание.

Я остановился.

– Да?

– Ты честен, но ты чересчур иной... Рядом с тобой всегда ходит беда. Сейчас я могу сказать только, что... берегись соблазнов! Я вижу... слишком часто в твоих видениях возникает женское лицо. У нее карие глаза, а высокие брови почти срослись на переносице...

– Довольно! – вскрикнул я в страхе. Жар опалил мое лицо. – Ни слова больше!.. Довольно я слушал... ненужных слов.

Он с печалью смотрел мне вслед, я чувствовал, а я почти бежал к выходу. Широкие ряды деревянных лавок со спинками мелькали, как шпалы, будто бежал по тропке между двумя железнодорожными путями.

Дверь в предбанник я захлопнул за собой, похоже, чересчур сильно. Свеча затрепыхала от движения воздуха, что-то сдвинулось в углу, движение воздуха заставило качнуться в сторону. Я прыгнул наискось, мои пальцы захватили ткань на горячем твердом плече. В глаза блеснуло железом. Отшатнувшись, другой рукой в полутьме перехватил кисть, сжал с такой яростью, что хрустнули кости. Но неизвестный яростно брыкался, ударил головой. Страшась, что выхватит нож другой рукой, я сдавил его голову, рванул с силой, а когда разжал руки, тело рухнуло на пол, как вязанка дров.

В бледном свете свечи лицо убитого показалось незнакомым. Я дышал тяжело, сердце колотилось бешено. Я чувствовал страшное напряжение мышц, не успевших излить ярость в схватке. На поясе убитого ножны для ножа только одни, однако нож я поднял с пола длинный и острый, как бритва.

Я настолько ярко представил себе, как это лезвие входит по самую рукоять в живот, что меня согнуло от резкого приступа короткой острой боли. Толкнул дверь и вывалился в яркий день, залитый утренним солнцем. Тело трясется, на лбу испарина, я чувствовал,

что из костела вышел еще более поколебленный, чем туда вошел. Душа моя, что уязвлена стала, теперь вообще превратилась в прижженную раскаленным железом рану. Кто и зачем организовал такое нелепое покушение?.. Неужели так быстро все понял и принял меры муж Лавинии?

Слуга встретил меня на пороге дома. Глаза были расширены, он сказал торопливым шепотом:

– Приезжал человек от Беольдра!.. Велел, чтобы вы немедленно...

– Знаю, – оборвал я, – выводи коня.

Он замялся.

– Но...

– Что, – спросил я, – все еще боишься?

– Еще бы, – проговорил он, быстро бледнея, – что это за конь, что камни ест...

– Людей не ест, – сказал я. – Ладно, пойдем. Поможешь надеть доспехи.

Через четверть часа я уже садился на черного как ночь гигантского жеребца. Рыцарская попона, рыцарское седло – а прежнее, доставшееся от сраженного Шургенза, оставил в доме. И так слишком много разговоров, хотя сам по себе конь, если только не замечать могучий черный рог в середине широкого лба, – почти обычный боевой конь, разве что намного крупнее. Да еще глаза... Всякий, кто взглянет в это бушующее пламя, начинает креститься, шептать молитвы, щупать нательный крест. В глазах полыхает адский огонь, мне всегда казалось, что череп наполнен горящими углями. Ну а насчет того, что он спокойно ест камни, я пообещал обоим слугам вырвать им языки, обрезать уши, если кто-то из них разбрякает такую тайну.

Ворота распахнулись с ленивой грацией, я выехал на мощеную улицу, слуга хриплым голосом пожелал мне удачи и тут же налег на створки. Я слышал, как загремел засов. Конь пошел резво, в отличие от меня отоспался и отъелся за эти дни.

На городской площади все еще горят костры. Беженцев поубавилось, последние из переселенцев ожидают, куда им велят селиться. На меня посматривали с испугом. Кто-то узнал, шепотом рассказывал, что это на мне за странные доспехи, почему такой щит. На молот у пояса не обратили внимания. Впрочем, и меч Арианта особого внимания не привлек.

Ворота замка распахнулись, из-под темной арки выехал огромный всадник на огромном черном коне. Толстые ноги с копытами размером с тарелки гулко и звонко били в булыжную мостовую. Искры летели тусклые, но длинные, багровые. Всадник в полных доспехах, он их носит с той же легкостью, что я рубашку, только голову оставил непокрытой. Вообще, мне кажется, я еще не видел Беольдра в шлеме. Нет, видел, конечно, но это было только однажды, когда ехали через лес, полный нечисти. А вообще шлем он надевает редко, зрелище ужасное, вроде парового котла на голове подходящих размеров.

Он кивнул мне раньше, чем я подъехал. Я приветствовал с должной почтительностью, как подобает приветствовать брата короля.

– Сэр Ричард, я рад, что все обошлось...

Голос густой и могучий, словно огромный лев рычал из глубокого колодца. Седые волосы стали чуть длиннее, но все еще не падают на плечи, как здесь принято. Грубое лицо чуть смягчилось, это невероятно, словно бы каменная скала сделала попытку улыбнуться. Тяжелые надбровные дуги нависают над глазами, укрывая их от ударов, но я увидел в них странное сочувствие.

– Ты уже знаешь, – громыхнул он, – что Ланселот...

– Да, – ответил я. – Нелепость. Из каких битв без царапины, каких героев сражал!..

– С ним хорошие лекари, – пообещал Беольдр. – Вот только сейчас...

– Знаю, – ответил я. – Спасибо, Ваше Сиятельство, за сочувствие...

Он хмыкнул, но ничего не сказал, огляделся, в глазах мелькнуло раздражение. Со стороны северной части послышался частый стук копыт, показались всадники. Желтое солнце играло на их доспехах, на широких наконечниках длинных копий, вскинутых к небу. Блестела золотом и серебром конская упряжь, сверкали шлемы.

Во главе всадников на огромном черном жеребце восседал массивный рыцарь с опущенным забралом. Шею прикрывают стальные пластины, а голову – стальная маска, начинаясь от последней пластины на шее и заканчиваясь над самыми ноздрями. Злые глаза боевого жеребца грозно смотрят в круглые, как маленькие иллюминаторы, отверстия. Между ушей укреплен султан из красных перьев, но совсем маленький, скромный, без дурацких павлиньих хвостов, что любого коня делают смешным.

Сам всадник в красном седле, под ним такая же красная попона, расшитая львами и драконами. Всадник в черной кольчуге, на нее красиво легли доспехи, оставив свободными только руки от кистей, но там защищают тяжелые латные рукавицы. Вместо головы цельнокованный цилиндрический шлем, опускающийся ниже подбородка, абсолютно черный, только на лицевой стороне красиво вычеканен золотом большой крест. По горизонтальной перекладине креста проходит узкая щель забрала. Но так как и по вертикали нанесена такая же полоса черного серебра, то и щель для забрала кажется просто орнаментом. У меня самого дрожь прошла по спине, когда всадник повернул незрячую голову в мою сторону и уставился мне прямо в лицо.

Поверх доспехов наброшен легкий плащ без рукавов, на белоснежной ткани кричаще и гордо выделяется огромный красный крест. Всадник медленно потащил из ножен длинный рыцарский меч, красиво вскинул над головой. По лезвию пробежали белые искры. Конь, повинаясь всаднику, встал на дыбы, грозно и гневно заржал, помесил воздух копытами.

Беольдр сказал недовольно:

– Опаздываете, барон Гендельсон!

– Простите, Ваша Светлость, – раздался из-под шлема густой сильный голос, – у меня было так много дел...

– Ладно, – сказал Беольдр с нетерпением, – поехали!

Всадник с усилием развернулся, голос его показался мне чересчур властным и неприятным.

– Возвращайтесь, – велел он сопровождающим его рыцарям, – и ждите возвращения своего сюзерена. Я вернусь скоро!

В воротах солдаты кричали Беольдру, пару раз крикнули мне, только Гендельсона игнорировали. Мне даже почудилось, что один выкрикнул что-то обидное вслед, но, может быть, просто послышалось.

На городской стене собралась толпа. Особняком стоит группа богато разодетых в цветные шелка вельмож. Гендельсон лихо отсалютовал им мечом. Ему кричали, мужчины махали шляпами, женщины – платочками. Мои глаза жадно отыскивали голубое платье, по телу прошла дрожь, вот там именно леди Лавиния машет платочком, что-то кричит...

Я тоже выхватил меч и, приложив лезвие к губам, вскинул в воздух. Со стены обрадованно закричали, жест непонятный, но все равно любой выезд рыцарей через городские ворота – это праздник и развлечение.

Беольдр бросил сварливо:

– Все, попрощались! Галопом – марш!

Солнце уже поднимается над темным далеким лесом. Гендельсон еще раз отсалютовал мечом в сторону темных башен. Желтый свет играл на всех выпуклостях доспехов, на шлеме и металле конской сбруи. Гендельсон был грозен и красив, а когда тронулся в путь, с его плеч заструился по ветру белый плащ.

Уже в лесу, когда ближайшие деревья скрыли городские стены, Беольдр перевел коня на рысь, а потом и вовсе на шаг. Мы ехали молча, Беольдр впереди, за ним Гендельсон. Я замыкал отряд, как, мягко говоря, наименее знатный. А если не мягко, то... понятно.

Я с любопытством поглядывал на Беольдра, таинственная штука должна быть при нем, поколебался, неприлично тревожить брата короля в его раздумьях, но я же только что из простолюдинов, придворный этикет не знаю, да и уже дрались с Бальдром спина к спине, простит...

– Ваше Сиятельство, – сказал с наибольшей почтительностью и даже потряс плечами, что имитировало помахивание шляпой над полом. – Но что мы везем? Снова церковную святыню?

Беольдр не двинул даже бровью, но у меня создалось впечатление, что он улыбнулся. Где-то там глубоко внутри.

– Что, уже устал? Нет, не святыня.

– А позволено будет узнать, что это?.. Если нельзя, то я молчу, молчу...

После долгой паузы, я уже думал, не ответит, Беольдр заговорил медленно, размеренно, словно молот зерно:

– Перебирая наши святыни, трофеи и просто редкие вещи, наши священники... или не священники, не знаю, поняли, что некий красивый восьмигранный камень в королевской сокровищнице не драгоценен сам по себе. Его и считали полудрагоценным, да и то лишь потому, что, по летописи, за него полегло уйму народу. Судя по легендам, его защищали отчаяннее, чем королевскую казну или знамя. Но уже и те, кто защищал, и кто нападал, не знали, чем он ценен... Вот так он и переходил из рук в руки...

Гендельсон надменно молчал. Я спросил:

– А что изменилось?

– В нашей библиотеке есть описание Кернеля. И его храма, уцелевшего с незапамятных времен. Наши церковники, часть из них все дни и ночи читает старые книги, нашли интересные тексты... Там в центре их древнего храма, где у нас алтарь, у них – плита из неведомого камня, а в ней углубление... Восьмигранное. Да, как раз по размеру и форме камня, что в нашей сокровищнице!

Я присвистнул.

– Ваше Сиятельство... но как решились?.. Церковь могла завопить... простите, отечески заявить, что храм языческий, нечестивый. И что вовсе надо его вдрызг, а не приносить жертву! Ведь это похоже на жертву, правда?.. А вдруг, если туда вставить камень, проснется какой-нибудь неведомый демон? Вдруг сам Азazelь, единственный, кого Господь не посадил в ад, а заключил на земле под одну из каменных плит?

Беольдр ехал некоторое время молча, лицо его посерьезнело. Гендельсон хранил надменное молчание. Наконец Беольдр разомкнул губы, слова прогрохотали мощно, но успокаивающе, словно раскаты грома уходящей грозы:

– Верно, я так и говорил. Предостерегал. Да и многие доблестные рыцари, наделенные отвагой и мужеством, коих не заподозришь в трусости. Но церковь... Дорогой Дик, в церкви странные люди. Когда мы пришли в эти земли, церковь истребляла все чужое, чтобы укрепиться. Теперь, укрепившись, она собирает и спасает все остатки, что уцелели тогда... В старых книгах обнаружили крупницы знаний, что не всегда нечестивы. Ведь в старину, до рождения Христа, жили и праведники... В церкви долго спорили, но отец Дитрих был настойчив, доказал необходимость риска. Ведь Кернель не может держаться вечно!.. Он запирает слишком удобный проход в горах, чтобы его оставили в покое. Карл будет бросать туда все новые силы, и Кернель падет. Есть сведения, что Карл уже послал туда небывалое войско. Вы его должны опередить на пару недель... Так что ваш камень в худшем случае лишь обрушит

Кернель на неделю раньше. Но... вдруг поможет защите? Часть монахов пришли к выводу, что этот камень служит защите.

– На основании каких выводов?

– Ну... из камня возводят стены, – ответил Беольдр неуклюже.

Я фыркнул, забыв на миг, что разговариваю с братом короля.

– Катапульты швыряют и камни!.. Да еще какие. Хотя, простите, Ваше Высочество, я думаю, церковники правы, что идут на риск.

Он покосился на меня.

– Ты милостиво одобряешь их действия? Станный ты, Дик.

– Простите, Ваше Высочество, – сказал я торопливо. – Это я так, мыслю вслух. От одиночества такое бывает. Косишь сено в одиночестве, вот и начинаешь говорить то сам с собой, то с косой. А принесешь сена корове, говоришь с коровой.

Гендельсон громко хмыкнул и отодвинулся вместе с конем. Долгое время ехали молча, потом Гендельсон, видимо, решил, что он едет почти как ровня мне, новоиспеченному рыцарю, а он по своему положению почти равен Беольдру, пустил коня рядом с Беольдровым, поинтересовался:

– Сэр Беольдр, а куда именно мы едем?

Беольдр холодно молчал. Широкая проезжая дорога вела вдоль кромки леса, мы двигались по ней совсем недолго, потом Беольдр свернул на тропку, уводящую в глубину леса.

Гендельсон спросил уже с беспокойством:

– Сэр Беольдр! Не едем ли мы к оборотникам?.. Сэр Беольдр! Я настоятельно требую ответа!

Беольдр наконец разомкнул уста, но поворачиваться не стал, прогромыхал в пространство перед собой:

– Мы едем туда, откуда вас могут доставить в Кернель в течение суток.

У меня часто и счастливо стучало сердце. Беольдр подтвердил, что уже сказал король. А это значит, что завтра-послезавтра уже смогу вернуться к Лавинии! Или даже сегодня.

Гендельсон спросил подозрительно:

– Но... как? Святая церковь не позволяет общаться с оборотниками... а только с помощью нечистой силы можно в Кернель за сутки... да, с помощью нечистой магии!

Беольдр громыхнул громче, в голосе великана прозвучал металл:

– Сэр Гендельсон, мы едем по приказу короля!

– Но святая церковь...

– Святая церковь знает о нашей миссии. Вы можете, вернувшись, покаяться, наложить на себя епитимию, а то и вовсе уйти в монастырь, замаливать свои грехи до конца жизни. Но сейчас мы выполняем приказ короля.

Гендельсон сказал надменно:

– Приказ короля не может противоречить заветам церкви!

Беольдр впервые повернул голову. Это было как если бы повернулась корабельная башня. Его шлем оставался пристегнутым сзади к седлу, но мне показалось, что он весь в железе, а беспощадно голубые глаза свирепо блеснули через прорезь шлема.

– Сэр Гендельсон, – сказал он ровно, – насколько я понимаю, вам очень хорошо сообщили, куда вы отправляетесь и с какой целью. Я просто не понимаю цели ваших расспросов. А вы их понимаете?

Из-под шлема прозвучал надменный басистый голос:

– Сэр Беольдр, это звучит как оскорбление...

Я ощутил в голосе этого Гендельсона затаенную угрозу. Беольдр ответил холодно:

– Это ваше право расценивать мои слова, как вам угодно. Вы можете вызвать меня на поединок... даже прямо сейчас. Сэр Ричард будет свидетелем, чтобы никто из нас не нару-

шил никаких установленных рыцарским кодексом правил. Кроме того, вы вольны отказаться от этой затеи... я имею в виду путешествие в Кернель.

Гендельсон запнулся, сказал с прежней надменностью:

– Но этот камень... Его не может передать этот... этот новоиспеченный рыцарь...

– Я могу, – отрубил Беольдр. – Я – брат короля Шарлегайла! Мне дозволены любые слова и действия от имени короля. Вы можете повернуть коня, сэр Гендельсон. Дик, ты готов ехать со мной?

– Да, сэр! – выкрикнул я счастливо.

Гендельсон запнулся на полуслове. Конь его приостановился, я начал объезжать его, и тогда Гендельсон пришпорил своего битюга и поехал за Беольдром вплотную. Беольдр бросил с заметным раздражением, не поворачивая головы в его сторону:

– Сэр Гендельсон, я просил бы вас общаться со мной и сэром Ричардом с поднятым забралом. Иначе у меня просыпается чувство, что вы готовы бросить нам вызов.

Я ощутил прилив горячей благодарности к Беольдру. Гендельсон вздрогнул, вызов Беольдру может бросить только самоубийца, да и про меня уже идет нехорошая слава. Его рука поспешно двинулась вверх, палец зацепил за решетку забрала. Лязгнуло, пружина щелчком открыла лицо.

Мои челюсти сжались. Тот вельможа, что сидел у короля, кузен этого... этого существа, еще красавец и атлет. Забрало, оказывается, поддерживало жирные щеки, что сразу обвисли, как складки на боках тяжелоатлета в отставке. Нет, даже как у борца сумо. Мясистый нос занимает половину лица, на лице столько жира, что для глаз остались только щелочки. Лицо надменное, высокомерное, в глазах презрение ко всему окружающему.

Беольдр перехватил мой взгляд. Мне почудился в суровом лице проблеск сочувствия, но тут же Беольдр сказал железным голосом:

– Барон Гендельсон! Вы можете в любой момент отказаться, запомнили?.. Но именно отказаться. А рассуждений, чем это нравственно или безнравственно, – я не потерплю. Мое дело – выполнить приказ короля.

Я ехал сзади и чуть сбоку, теперь видно, что широкий павлиний плащ скрывает широченную задницу, что живот этого барона лежит на его коленях... а сейчас – на седле. Природа отдыхает не только на детях гениев, но и на потомстве героев. Если и был великий предок рода Гендельсонов паладином-подвижником, то это вот, что на богатырском коне в великолепных доспехах, всего лишь сохранило разве что вес великого предка. Но если у того все было в костях и мускулах, то у этого в заднице.

Гендельсону это предприятие не просто не нравится, а он смертельно испуган. Если честно, то я эту жирную скотину понимаю. Впервые, как мне кажется, суровый и ригористичный Зорр как бы отступил от своих железобетонных принципов. Однако это как раз может говорить о том, что у Зорра есть будущее. Ведь даже самые чистые общества содержат секретные службы для тайных операций, а те для пользы дела входят в контакты с террористами, нанимают киллеров...

Глава 6

Солнце опускалось все ниже по яркому пурпурному небу. На землю пал синеватый полумрак, все изменило очертания, обрело нереальность, словно наш мир стал трехполовиноймерным или двухполовиной, но только не привычным трехмерным.

В лесу темнело быстрее, солнце еще не опустилось полностью, но мы ехали почти в ночном лесу. Потом небо в самом деле потемнело, проступили первые звезды. Я узнал тропку, мы по ней однажды уже проезжали, до сих пор помню тот ужас...

Беольдр прогудел, не поворачивая головы:

– Сэр Ричард, а вы помните?

– Еще бы, – сказал я. – Вот за тем поворотом и кинутся, аки... словом, аки!.. В самом деле лучше забрала вниз, а плащи взад.

Гендельсон поспешно опустил забрало, как только не прищемил щеки, они ж на плечах во всю их ширь. Рука с металлическим звоном начала шлепать по седлу, наверное, отыскивая рукоять меча.

– Нет, – ответил Беольдр. – Не нападут.

– Подобрели? – спросил я.

– Мощи Тертуллиана, – объяснил Беольдр. – Как только привезли, наша сила окрепла, а нечисть начала хиреть, как мухи осенью... Доспехи святого Георгия Победоносца вовсе доконали. Наши рыцари каждый день выезжали на охоту, это им стало в забаву. И от обортней очистили неплохо тоже.

– Хорошо, – сказал я с облегчением. – Я очень не воинственный человек.

Гендельсон хмыкнул саркастически, гулко хохотнул. Из-под массивного шлема это звучало пугающе, словно заухал крупный филин под темной крышей.

Беольдр покосился в его сторону, сказал:

– Но когда нападают, то костей даже не остается.

– А доспехи? – спросил я.

– Доспехи остаются, – ответил Беольдр.

– Это хорошо, – сказал я с облегчением. – А то наследникам надо новые заказывать...

Гендельсон подвигался в седле, конь застонал и начал при ходьбе пошире расставлять ноги. Гендельсон сказал обеспокоенно:

– Может быть, нам хотя бы молитву читать в дороге?

Беольдр ответить не успел, я пояснил сочувствующе:

– Нечисть в латыни не разумеет.

Он меня игнорировал, обратился к Беольдру:

– А если мы достанем нательные кресты и поедем с ними, сжимая в дланях и громко взывая к Творцу?

– У вас такой большой нательный крест, – удивился Беольдр, – что может служить щитом?

– Ну, не совсем такой...

Беольдр вскинул руку, мы послушно умолкли и подобрали поводья. Деревья расступились, залитый серебряным светом простор, а дальше поднимается мрачный темный замок. Сверкают отраженным лунным огнем крыша, башенки, но сам замок выглядит мертвым.

Беольдр прислушался, кивнул нам и пустил коня вперед. Я ожидал, что он поднесет ко рту рог, во мне уже напряглось в ожидании дикого рева, после прошлого раза в ушах звенело больше суток, но Беольдр поехал прямо, не останавливаясь, неподвижный в седле, как усаженный на коня каменный столб. Подъемный мост, к моему удивлению, уже лежал попе-

рек рва. Снизу пахло жуткой вонью, смрадом, разлагающимися растениями и дохлыми жабами.

Дощатый настил трещал под конскими копытами, словно мы двигались по молодому льду. У меня возникло жуткое ощущение, что вот-вот ухнем в темную бездну. Решетка ворот со скрипом пошла вверх. За ней, на освещенном лунной пятачке, стоял улыбающийся Терентон, все такой же лохматый, с расстегнутой на груди рубашкой, в потертых штанах из простого грубого полотна.

– Добро пожаловать! – сказал он радушно. – Добро пожаловать, гости дорогие!

Беольдр сказал холодно:

– Мы тебе не гости. И не дорогие. Давай, Терентон, сразу к делу.

Терентон развел руками, вздохнул. Мы все трое слезли с коней, он подошел ко мне, в глазах напряжение, немой вопрос: не выдал ли я его брату короля? А мне оно надо? – ответил я равнодушным взглядом. Своих проблем выше крыши.

– Хорошо, – ответил Терентон с облегчением. – Можно и сразу, как условились. О, поздравляю вас, сэр Дик!

– С чем? – спросил я непонимающе.

– Но вы же теперь рыцарь!

– А, это, – сказал я, отмахнувшись, – да-да, произвели.

На миг вокруг меня воцарилось ледяное молчание. Гендельсон испепелял взглядом, Беольдр нахмурился, даже Терентон осуждающе покачал головой. Я прикусил язык, ведь производство в рыцари – событие великое, от него так просто не отмахиваются, не забывают.

Беольдр забросил повод на крюк коновязи. Лицо его было темнее грозовой тучи, глаза метнули молнию.

– Гореть тебе, Терентон, в аду!.. А ведь когда-то был неплохим воином.

Терентон взглянул на меня бегло, объяснил торопливо:

– Ваше Сиятельство, можете не верить, но здесь магия близко не лежала... Ни белая, ни черная, ни чистая, ни нечистая. Раз в тысячу лет звезды выстраиваются так, что образуется нечто... словом, можно будет долететь туда... и обратно. Такое свойство звезд... Если хотите в тот же день вернуться обратно, то можете...

Гендельсон слушал с неописуемым отвращением на лице. Его тошнило, он едва не падал в обморок, всюду видел летающих в воздухе крохотных чертей и оборонялся от них крестом и молитвой. Мы с Беольдром так и не увидели, кого он бьет крестом по головам, но Беольдр все равно хмурился, кусал усы.

Терентон спросил:

– Вы все поняли? Согласны?

Гендельсон закатил глаза и отшатнулся. Беольдр коротко кивнул, я сказал вяло:

– Парад планет, так бы и сказали... Не звезд, говорю, а планет. Звезды хрен сдвинутся... ну, чтоб заметить простым глазом. Силу вы оседлали великую, честь вам и хвала. Но как... обратно?

Терентон слушал меня с распахнутым ртом. Глаза с каждым моим словом все больше вылезали из орбит. Опомившись, сказал наконец:

– Обратно?.. Конечно, если там есть знающие люди... Но в том месте откуда? Вы таких мест избегаете.

Я спросил у Беольдра:

– А там есть вблизи оборотники?

Беольдр покосился на Гендельсона.

– Возможно. Но я бы, сэр Ричард, на вашем месте на это не рассчитывал бы.

Я посмотрел на Гендельсона, процедил:

– Да, конечно.

Видимо, в моем взгляде была весьма откровенная оценка барона, ибо Беольдр сказал сурово:

– Главное, доставить этот талисман в Корнель. Понимаете?

– Понимаю, – ответил я.

Терентон спросил живо:

– А что вы везете?

– Шпионам знать не положено, – осадил Беольдр. И, обращаясь ко мне, добавил: – Конечно, все будут рады возвращению в Зорр вашего молота. Да и вам, кстати, тоже.

– Спасибо, – пробормотал я.

– Это к тому, – пояснил он, – что и вы при молоте тоже бываете полезны.

– Спасибо, – повторил я с поклоном. – Всегда восторгался вашим чувством юмора, сэр.

Он покосился на меня с подозрением, что это еще за такое чувство, но ничего не сказал, массивная такая железная башня и так же мало говорящая.

Терентон спросил нетерпеливо:

– Так кто намерен?.. Время идет.

– Мы тоже, – ответил Беольдр тяжело. – Сэр Гендельсон, вам слово. Вы вольны вернуться, никто в ваш адрес не скажет слова упрека. Все понимаем, что с вашей стороны это не трусость, а всего лишь верность принципам.

Гендельсон заколебался. Я молча молил Бога, чтобы этот набитый разряженный индюк отказался, всю дорогу у меня уже руки чесались ухватить его за горло. Ухватить и сдавить так, чтобы глаза на лоб, а язык коснулся земли.

– Я верен принципам, – ответил Гендельсон брезгливым голосом, – и докажу, что ничто меня не пошатнет в моем служении Господу и королю!.. Я отправлюсь в Корнель. Но по возвращении я вынужден буду просить святую инквизицию обратить внимание на эту... эту богомерзость! И, простите, сэр, на вашу странную деятельность... и странные связи с этими... да-да, с этими!

Беольдр повернул голову в мою сторону. В моих глазах он прочел в адрес барона что-то вроде: ты еще вернись, надутая жаба, укоризненно покачал головой. Я молча кивнул, вряд ли он сомневался в моем согласии.

Беольдр с каменным лицом вытащил из-за пазухи кожаный мешочек с веревочкой.

– Здесь талисман. Как придете, сразу же отдайте его отцу-настоятелю.

Гендельсон протянул руку, Беольдр опустил драгоценность на его ладонь с растопыренными пальцами. В глазах был лед, а на меня снова посмотрел с сочувствием. Гендельсон сунул мешочек за пазуху, веревочку накинул на шею. Я успел заметить, что мешочек оказался рядом с широким золотым нательным крестом.

Терентон указал на тропку между деревьями.

– Это здесь... – сказал он. – Но я просил бы вас оставить здесь коней...

Гендельсон вскрикнул негодуя:

– Оставить коня? Ни за что!

Терентон развел руками:

– Как скажете. Тогда вам в Корнель верхом. Впрочем, вы так и собирались?

Гендельсон поднял угрожающе плетъ. Беольдр перехватил его кисть, заставил опустить руку. Гендельсон подчинился, но сверкал глазами и показывал всем видом, что, не вмешайся брат короля, он бы все здесь разнес во славу Господа и Его Богоматери.

Я соскочил с Черного Вихря. Бросил повод на сук.

– Я готов.

Гендельсон поколебался, с великой неохотой сполз с седла, хватаясь за него обеими руками. Перевел дух, бросил с раздражением:

– Ну, и где?

– Сюда, – указал Терентон на тропку. – Только, сэр...

– Что? – рыкнул Гендельсон угрожающе.

– Железо, – проговорил Терентон очень неохотно.

– Что, – спросил Гендельсон ядовито, – верно говорят, что вся нечисть страшится железа?

Терентон развел руками.

– Сэр, на вас железа... хватит на рыцарскую хоругвь. У нас нет столько сил, чтобы все это забросить в Кернель. Хотя бы с частью надо расстаться...

Гендельсон побагровел.

– Никогда! Ни за что!.. Рыцарь я или не рыцарь?

Я посмотрел на хмурого Беольдра, снял шлем. Терентон кивнул с одобрением. Я повернулся к нему спиной, он понял, расстегнул ремни. Я освободился от панциря, снял тяжелые стальные сапоги. Тело сразу возликовало, запело. Я вдохнул всей грудью.

– Хорошо... Если нас доставят прямо в Кернель... то зачем тащить с собой столько железа?

Гендельсон сказал надменно:

– Рыцари не расстаются с доспехами с такой легкостью. Лишь простолюдины... Впрочем, я не хочу задевать простолюдина, странную прихоть женщины... видимо, за какие-то особые заслуги, посвященного в рыцари. Но теперь-то мы готовы?

Терентон смотрел на него с сомнением, глаза обшаривали Гендельсона с головы до ног, определяя вес. Я потащил через голову свой огромный меч, меч Арианта.

– Сэр Беольдр, я оставляю и это... Вы не бросите мою бедную лошадку здесь на растерзание? Со мной молот и кинжал. Этого больше чем достаточно. Но если надо, я даже разуюсь. Простолюдина это не позорит.

Беольдр кивнул, повернулся к Терентону. У того в глазах еще оставалось сомнение, но посмотрел на Гендельсона, вздохнул, сказал:

– Если вы готовы рискнуть...

Гендельсон сказал надменно:

– А что, все еще риск?

– И немалый, – ответил Терентон.

Беольдр насторожился:

– Почему? О большом риске речи не было.

– Железа много, – сказал Терентон и снова указал на Гендельсона, что походил больше на экспонат в историческом музее, чем на живого человека. – Я знаю, что сэр Ланселот не трус, он оставил бы все доспехи и даже меч здесь...

Лицо Гендельсона налилось кровью, он прорычал:

– Никто не смеет обвинять меня в трусости!.. Я отправляюсь в доспехах. Я рыцарь, а не... не...

Он задохнулся, подбирая оскорбительные слова. Терентон отвернулся и сделал нам знак следовать за ним. Я двинулся за ним сразу же, здесь, под каменной стеной башни, темно, а лунный свет, пробиваясь через кроны деревьев, по которым пробегает ветерок, превращает весь мир в сплошную камуфляжную сеть. Гендельсон, подчеркивая свое высокое происхождение и, наверное, бесстрашие, обогнал меня и пошел за оборотником в затылок.

Я тащился позади, ладонь то и дело дергалась к рукояти молота, так хотелось влупить в затылок этого железного болвана. Это что, начало протянувшейся на столетия борьбы между потомственными и пожалованными? Потомственные считают себя лучше уже тем, что у них – порода, они ж от знатного производителя, пожалованные молча демонстрируют размер мускулов, а король балансирует между этими двумя силами, ибо за потомственными –

накопленные предками богатства, влияние, земли, замки, а за пожалованными – ум, отвага, сила, дерзание...

Терентон остановился, по лицу двигались темные пятна.

– Все, – сказал он. – Дальше... не останавливайтесь.

Гендельсон тут же встал, как вкопанный в землю железный столб.

– А когда же...

– Увидите, – ответил Терентон коротко.

Я хотел пройти вперед, но Гендельсон уловил мое движение, шагнул, загромыхав железом, пошел, пошел, раздвигая ветви. Каменная стена обрывалась, но дальше видны остатки полуразрушенной башни. От стены замка и до развалин протянулась блестящая дорожка. Она показалась мне застывшей поверхностью воды, потом просто зеркалом, но когда Гендельсон вступил на нее и пошел, звякая рыцарскими шпорами, я с холодком по всему телу понял, что вижу нечто вовсе не из этого мира...

Мои ноги подгибались от волнения. Я нагнулся и на ходу хотел коснуться поверхности пальцем. В глаза ударил ослепительный свет. Я от неожиданности вскрикнул, выпрямился, но дорожка уже исчезла. Передо мной отчаянно размахивал руками и кричал Гендельсон. Под его подошвами мелькнула крыша замка, а затем далеко внизу поплыла серебристая шкура леса.

Голова закружилась, к горлу подступила тошнота и тут же отхлынула. Мои руки уперлись в упругие стенки. Они подались совсем чуть, тут же отпихнули обратно. Встречного ветра нет, хотя прет нас с приличной скоростью. Гендельсон все борется со шлемом, дрожащие руки пытаются приподнять, там что-то зацепилось, видать – за свиную морду, он все дергал кверху, хотя сейчас как раз бы опустить, отгородиться от всего ужаса...

Под ногами быстро ускользает серебристая равнина, покрытая кочками мха. Энергетическая капсула или магический шар прет со скоростью самолета. Кочки мха разве что для Гендельсона, я летал на самолете, знаю, как выглядит лес с высоты десяти тысяч метров... Но если мы в беспилотном режиме, то и прибудем на такую же точно площадку. Это словно кабинка фуникулера. Только этот фуникулер включается на время парада планет... Значит, надо отдать камень – и спасибо-спасибо, никакого застолья, давайте медаль, и мы отбываем, такие люди везде нужны...

Гендельсон наконец снял шлем, побелел, взвизгнул. Я отвернулся. К счастью, под ногами ровный твердый пол, нечто матовое, но лучше не смотреть, все-таки мы не пернатые, а у обезьяны врожденный страх перед падением с дерева.

Далеко на горизонте начали подниматься серебристые пики гор. Луна освещала их холодно, но любовно. Лед искрился, горел белым огнем. Горы приближались, Гендельсон воскликнул:

– Слава тебе, Господи!.. Это Кернель!.. Я вижу Кернель!..

Обручи, что сковывали мою грудь, лопнули, я вздохнул свободнее. Если так, то можно к утру и вернуться... Гендельсон рядом рухнул на колени, пол выдержал эту гору железной скорлупы с нежным сочным мясом внутри, а Гендельсон начал истово и громко молиться, стучаться лбом о силовую пол, все получалось беззвучно, если бы еще и молитву удалось заглушить...

Впереди, как мне почудилось, медленно выросло черное облачко. Оно выглядело как угольная яма на звездном небе. Нас несло прямо к нему. Гендельсон все еще бормотал молитву, я напрягся, облачко начало разрастаться. Внутри черноты сверкнуло, оттуда докатился тяжелый грохот. Я похолодел, это не грохот, а раскатистый смех – холодный, как ночь, жестокий.

Гендельсон молился громче, я пощупал рукоять ножа, потом – молот. Пальцы вздрагивают, черное облако уплотнилось, по бокам разрослись черные крылья, настоящие крылья,

как у летучей мыши, сформировалось тело, человеческое, голова увенчана рогами, на месте глаз сверкнули две багровые звезды. Гендельсон вскрикнул:

– Господи, прими душу мою...

В руках крылатого великана появился огромный черный меч с изогнутым лезвием. Лезвие расширяется к концу, лунный свет заиграл на металле, синеватом, усыпанном звездными искрами.

Крылья сделали два небрежных взмаха, черный с крыльями завис перед нами. Могучие руки начали поднимать меч. Теперь я отчетливо видел лицо: человеческое, чисто выбритое, но лучше бы это оказалось лицо зверя: на этом лице отпечатались все пороки, все мерзости человеческой природы. Толстые чувственные губы изогнулись в презрительной усмешке.

– Смертные... Осмелились?.. Значит – уже наполовину мои!.. Ха-ха! Сейчас будете моими целиком...

Гендельсон молился и крестился, я схватил молот и швырнул в великана. Молот описал короткую дугу и вернулся в мою ладонь, даже не приблизившись к черному ангелу. Я с криком отдернул ладонь, раскаленная рукоять обожгла пальцы.

Меч великана падал со страшной скоростью... вдруг лязг, злобный вскрик. Нас озарило ярким радостным огнем, словно в квартире вспыхнула столамповая люстра. Лезвие черного меча ударило над самыми нашими головами о сверкающий радостными искрами светящийся меч. Его держал в обеих руках белый ангел с распахнутыми лебедиными крыльями.

– Господи! – вскричал Гендельсон. – Ты услышал мои молитвы!

Слезы текли по его жирным трясущимся щекам. Черный ангел взревел злобно, вскинул меч и обрушил на светлого. Тот парировал удар, хоть и с трудом. Черный перехватил меч обеими руками, нанес удар снова. Светлый подставил сверкающее лезвие. Его руки трянуло, я услышал стон, как будто бы застонало само небо.

Черный захохотал, начал безостановочно наносить удары. Светлый парировал с трудом, его шатало, он начал задыхаться. Черный вскричал победно:

– Ты проиграл!

– Еще... нет... – ответил светлый, задыхаясь.

– Ты проиграл!.. Изначально!

– Нет, – ответил светлый хрипло. Я увидел его полные отчаяния глаза. – Нет... бой еще...

– Проиграл! – закричал страшно черный.

Лезвие меча с такой силой обрушилось на светлого, что сверкающая полоса с легким звоном переломилась. Черное железо ударило светлого в грудь. Тот закричал в смертной муке. Из глаз ударили снопы огня, нас потрянуло, Гендельсон жалобно кричал, ветер ударил снизу. Я чувствовал себя так, словно лифт, в котором еду, вдруг оборвался, ноги отрываются от пола...

– Господи! – слышался рядом истошный крик. – Спаси и помоги!

Внезапно в магическую капсулу ворвался злой холодный ветер. Он снизу задувал в штанины, вырвал из-под тугого пояса рубашку, задрал кверху и колотил по лицу, стараясь накрыть с головой. Мелькнули огромные руки светлого ангела. Он обхватил наш шар и падал вместе с ним. Черный летел сверху, я увидел его горящие торжеством глаза и занесенный над головой меч.

Снизу стремительно выросли темные вершины деревьев. На миг показались пики заснеженных гор, так ярко залиты серебряным светом луны, затем треск веток, сильный удар. Я покатился по склону, ударился о твердое, меня отшвырнуло, ударился снова. Цепкие клешни ухватили за бедра, больно сжали.

Прямо передо мной темная земля, значит – я вишу мордой книзу. Если повернуть голову, там залитый лунным светом лес. Редколесье, свет легко проходит до земли, а где

просвечивает сквозь ветви, там на земле расстелено призрачное кружево. Клешни не совсем клешни, а развилка старого клена. Втиснуло с разгону так, что едва высвободился, оба ствола с облегченным кряхтеньем сдвинулись на прежние места.

Саднит плечо, гудит голова, во рту солоноватый привкус. Выплюнул, слюна совсем темная. Правая рука немилосердно болит, от плеча до локтя черная, то ли кровь, то ли грязь. Молот на поясе, нож тоже уцелел, а меч я же оставил со всеми доспехами. Насколько помню, во время схватки ангелов нас стремительно относило в сторону от маршрута. Кажется, на юг. А если так, то не значит ли, что дьявол начал претворять в жизнь свой гротескный план?

Постанывая сквозь зубы, я начал карабкаться вверх. Глаза уже привыкли, хорошо различаю посеребренные стволы деревьев, темные кусты с блестящими поверху листьями. Вообще-то разумнее вниз, там ручьи, реки, возле рек – люди, но инстинкт или человеческое упрямство заставили переть по крутому склону вверх. Сейчас надо определиться, куда меня забросило, а потом по прямой пробираться в Зорр. Накаркал, сказал Лавинии, что обернусь за сутки... Никогда нельзя такое брякать, черт услышит и тут же подгадит...

– Лавиния, – прошептал я. – Никакие дьяволы меня не остановят!.. Я иду, бегу, лечу. Жди... только дождись меня. Только дождись...

Ноги скользили на косогоре, я задерживал дыхание. Настороженные, как у зверя, уши уловили человеческий голос. Деревья раздвинулись, на залитой лунным светом поляне железная фигура на коленях громко вздохнул, то вскидывая залитое слезами лицо к закрытому темными кронами небу, то роняя голову на грудь, а то и припадая к земле, что с таким брюхом совсем не просто.

– Ага, – сказал я, – ну ладно... Уцелел, железяка.

Он резко обернулся, на толстом мясистом лице быстро промелькнули страх, изумление, даже облегчение, он сказал быстро:

– Возблагодари Господа, несчастный!

Я удивился:

– За что?

– Несчастный, – сказал он возмущенно, – он подарил тебе жизнь!.. Значит, тебе еще предстоит что-то сделать...

В лунном свете лицо его бледнее, чем у вампира, но все равно выглядит лучше меня. Хоть дорогой плащ изорвало в клочья, зато шлем и доспехи сохранили жирное тело от ушибов и переломов. Доспехи, которые Терентон требовал снять, как раз и спасли. С таким рыхлым телом от этой жирной свиньи осталась бы только раскатанная лепешка. Или пятна слизи на деревьях, камнях и по всему склону. Даже меч при нем, вон на земле рядом, даже перевязь цела. Значит, сам снял, а то с таким грузом с колен не встанет.

Я сказал зло:

– Я знаю, что мне делать. Поскорее понять, где я рухнулся... и как можно быстрее вернуться обратно.

Он вскрикнул:

– А камень?

– Это было поручено вам, сэр Гендельсон, – отрезал я. – У меня... несколько другие дела. Да и не успеть в далекий теперь Кернель... до прихода Карла.

Он сказал возмущенно:

– Да, но... вы все равно должны идти со мной!

– Это уж фигу, – ответил я грубо. – Этого не было сказано.

Я повернулся, смотреть на эту жирную рожу гадостно, даже в лесу не потеряла своей надменности, а он закричал испуганно:

– Но... вы не можете вот так уйти!

– Почему? – спросил я грубо. – Вам идти в Кернель, это... насколько я понимаю... отсюда прямо на юг, а я иду обратно в Зорр.

Он поднялся с колен, глаза его смерили меня с головы до ног. На лицо вернулось надменное тупое выражение богатого вельможи. Поднял перевязь с мечом, пальцы неумело забросили через голову, дома явно эту свинью одевает десяток слуг, выпрямился, голос из испуганного и дрожащего стал презрительным:

– Что ж, идите, сэр Ричард. Отпускаю.

– Спасибо, – ответил я саркастически. – Хотя я не нуждаюсь в ваших разрешениях.

– Идите, – повторил он надменно. – А я выполню свой долг перед Зорром.

Я повернулся и пошел прочь. Когда обернулся, его на поляне уже не было. Между деревьями мелькнули лохмотья роскошного плаща. Звучно хрустели на земле ветки, будто по ним шагала статуя командора. Я понаблюдал чуть, еще дважды между деревьями показалась тень, затем сопение утихло, удалился и растаял даже треск веток под грузным телом.

– Чтоб ты сдох по дороге, – сказал я искренне. – Чтоб ты утоп в самом грязном болоте, жирная скотина!

Глава 7

Я прошел еще несколько шагов, но тревожное чувство разрасталось, в мозгу засела заноза, пока не сообразил, что же здесь не так. Ругнувшись, я развернулся и почти побежал следом. Хотя свет сквозь кроны пробивается сильный, но где деревья стоят плотно, там хоть глаза выколи. Я натыкался на острые сучья, больно уколол бок, там зацепало, будто ткнули горячим железом.

Гендельсон ломился сквозь кусты, как тупой лось, хотя в стороне чистые места для прохода. Ножны тяжелого меча беспощадно колотили его по ногам. Он вздрогнул и даже вскрикнул, когда моя фигура появилась в двух шагах.

– Куда прешь? – сказал я подозрительно. – К Карлу?

Он дышал часто, лицо перепачкано, это слезы смешались с грязью, голос вибрировал, как натянутая паутина:

– По... почему?

– В той стороне войска Карла, – сказал я грубо. – Ты ж сказал, что пойдешь в Кернель?

– Ну, я и иду...

– Кернель отсюда на юго-востоке!

Он посмотрел на меня зло, в глазах метнулся страх, ненависть и нечто еще, чему я не мог дать определение.

– Но разве там не юго-восток?

– Юг вон там! – заорал я. – Даже ребенок знает, где юг, где север, стоит посмотреть, с какой стороны на дереве мох!.. Вот деревья – вот!.. И мох на каждом дереве!

Он молча повернул и пошел в другую сторону. Теперь на юго-восток. Ломился по-прежнему, как тупой лось, которому влом обойти рядом по тропке. Я остался, Гендельсон исчез за деревьями, хруст веток отдалялся и затих. Я повернулся в сторону севера, там Зорр, там Лавиния, там мое счастье, моя жизнь, мое все... сделал шаг, потом еще и еще. Каждый шаг давался все труднее, словно передо мной возникла плотная воздушная подушка. Или же воздух сгустился до плотности воды.

Да какого черта я терзаюсь? Это ничтожество в своей тупой гордыне прет в сторону Кернеля, как оно считает. Его сожрут дикие звери этой же ночью. А если чудом уцелеет, то все равно напорется на людей Карла, на оборотней, его либо укусят змеи, либо утонет в болоте, либо... либо еще как-то, но он не переживет сегодняшнюю ночь, это точно...

Деревья мелькали по обе стороны, я бежал сравнительно легко, правая рука постепенно отошла, я уже мог сжимать и разжимать пальцы. Но деревья, как сообразил не сразу, мелькают в другую сторону, это проснулась моя дурость, что-то накаркала в оба уха, наябедничала, и вот я...

Впереди показалась уныло бредущая фигура. Человек брел, волоча ноги. Его раскачивало, он всхлипывал, что-то бормотал, на ходу хватался за деревья, отталкивался и брел дальше.

– Стой, дурак! – сказал я.

Он испуганно обернулся. Рука дернулась не к мечу, а к лицу, словно я был волком, что прыгнул на его жирное горло.

– Стой, – повторил я. – Самая большая дурость – идти ночью. Еще дивно, что не напоролся на волчью стаю!.. Надо развести костер. Переждать. Утром, когда по-настоящему светло, и двигаться.

Его раскачивало все сильнее, по лицу сползали крупные мутные капли, а на лбу с готовностью выступали новые и новые. Глаза посмотрели на меня почти невидяще. Он вытер

дрожащей ладонью лицо, что сделало его похожим на командос в джунглях Вьетконга, прошептал:

– Костер?.. Я могу и без костра.

Ноги подломились, он сполз по стволу дерева на землю. Дыхание из жирной груди вырывалось с хрипами, стонами, клекотом.

– Без костра? – поинтересовался я все еще зло. – Такой храбрый?

– Это... – ответил он едва слышно, – дело... слуг... челяди...

Я хмыкнул:

– Это дело мужчин!

Он кое-как встал на колени и молился, часто крестясь, даже не крестясь, а налагая на себя крестное знамение, а то и вовсе осеняя себя знаком животворного и чудодейственного креста. Я фыркнул, по мне все эти биения лбом в землю оскорбляют Бога больше, чем мое откровенное неприятие Его власти. Неужели этим придуркам кажется, что Богу приятно быть владыкой рабов?

Я собирал сухие щепки, мох, сдирал бересту, потом долго искал среди камней подходящие, стучал ими один о другой, пробуя на предмет искр. Все это время придурок тыкался жирной мордой в землю, как только пузо не раздавит, осенял себя размашистыми взмахами и возглашал хвалу и снова хвалу, будто Богу совсем не хрена делать, кроме как спасать этого свиноморда.

Я начал сооружать щепки и бересту шалашиком, так мы делали в турпоходах и на вылазах, запоздало сообразил, что, по его мнению, я как раз и веду себя как его слуга, его челядин. Разозлился так, что едва не въехал кулаком в жирную потную морду, снова захотелось встать и уйти, пусть это ничтожество само тащится в свой Кернель.

Он наконец обернулся в мою сторону. Я думал, предложит помощь, однако он проскрипел недовольно:

– Сэр Ричард, вы не вознесли хвалу Всевышнему!

– Ага, – буркнул я.

– Это кощунственно...

– Есть молитва делом, – отрезал я. – Она доходит еще быстрее! Кстати, она Богу куда приятнее.

Он поморщился.

– Неисповедимы пути Господа! И не вам о них судить.

– Просто Бог не лох, – ответил я еще злее. Камни в моих руках стучали один о другой, раз я ухитрился стукнуть по пальцу, да еще со всей дури, там показалась темная кровь. – Бог правду видит...

Он отвернулся и продолжал молиться еще громче, пугая на окрестных деревьях птиц, белок и прочих спящих существ. Я зло колотил камнем о камень, искры летели частые, густые, но поджигать мох не желали, да и летят как-то криво, ни одна не попала в нужное место, зараза...

Я пересел, стук камней разносился по всему лесу. Если костер не разгорится до того, как нас услышат волки... или медведи... или еще какая-нибудь лесная зверюка...

Из пучка мха, что лежит совсем в сторонке, показалась тонкая белесая струйка. Я поспешно перенес ее в приготовленную кучу, раздул искорку, обложил берестой, подул еще, нежно-нежно, ибо огонь – как любовь, слабый ветер раздувает в пламя, а сильный гасит...

Гендельсон закончил молитву, как раз когда костер полыхал вовсю. Я подбросил сухих веток, на остальные сел, чтобы не простудить задницу.

– Бог дал спасение, – сказал он значительно, – Бог дал огонь в ночи...

Я подул на разбитый в кровь палец. Хрен бы он дал, если бы я не лупил столько. Бог дает тем, кто дерется за свое, а лодыри да убогие только в молитвах счастливы.

– Надо понять, где мы, – сказал я.

Он посмотрел по сторонам.

– Мы в лесу, – сказал он важно.

– Да? – спросил я. – Как же я не заметил... Значит, надо понять, куда нас занесло. Пока они дрались, черный ангел теснил белого... и нас вместе с ним куда-то на запад... По крайней мере мне так чудилось. Или мерещилось, не уверен. Все-таки, наверное, чудилось. Но куда-то занесло... Обидно, мы уже были почти над Кернелем!.. Или в его окрестностях.

Огонь красиво и зловеще подсвечивал металл снизу. После того как был потерян плащ и перья со шлема, неприкрытое железо доспехов блестит во всей мужественной красе. Но сам Гендельсон выглядит как толстая злая жаба в панцире.

Я поглядывал на него краем глаза. Странное чувство превосходства закрадывалось в душу. Это его мир, но я, дитя асфальта, все же умею и могу больше. Конечно, я изнежен хорошей пищей, мягкой постелью, но все равно я даже в диких условиях умею больше.

Гендельсон привалился спиной к дереву. Тяжелые веки медленно сползали, закрывая маленькие глазки. Он вздрагивал, старался выглядеть бодро, но эти полчаса ходьбы по ночному лесу, похоже, вычерпали его силы до самого дна.

– Советую заснуть, – сказал я холодно.

– Но... – прохрипел он, – нужна стража...

– Не вам же, бла-а-а-гародному, – сказал я, – да еще и ура-а-а-ажденному, заботиться о таких мелочах? Я посижу, посмотрю за огнем.

– Но я...

Он захрапел, не договорив. Нижняя челюсть отвисла, жирная рожа перекосилась. Толстые губы плямкнули, дунули, словно стогнал муху. Я некоторое время смотрел с отвращением, в воображении пронеслись вереницей картины, как засовываю в эти железные доспехи горящий уголек, мол, из костра им выстрелило, или же из-за спины гаркну: «Беги!», чтобы он сослепу сонный в костер... либо башкой со всей дури вон в тот ствол...

Когда подбрасывал сухие сучья, пламя сразу же оживало, освещенный круг с усилием отодвигал тьму, как цепь омовцев оттесняет разгневанных демонстрантов, но там, в черноте лесного космоса, чудится хруст веток, осторожные шаги, иногда над головой шелестят невидимые крылья. А может, и не крылья, а просто ночной ветерок шевелит ветви.

Тепло начало проникать в тело. Я ощутил, как расслабляются все мышцы, тело расплывается, как у медузы, веки потяжелели. В темноте блеснули две желтые точки, я не обратил внимания, потом точки приблизились, уже не точки, а желтые огоньки. Похожи на волчьи глаза, только покрупнее, покрупнее...

Дрожь прошла по телу, сон выдуло, как под лопастями мощного вентилятора. Я судорожно пошарил на поясе, молот здесь, только передвинул вместе с поясом взад, я хоть и не танцор вовсе, но мешает.

Желтые глаза словно бы стали ярче. Дрожь пробежала по телу, на меня смотрят неотрывно, злобно, точным прицеливающимся взглядом. Сердце начало колотиться чаще, уже чуть не выпрыгивает. Гендельсон спит, мерзко перекосив рожу, толстые губы скривились, блестит слюна. Сейчас потечет целая река...

Я осторожно снял с пояса молот. Рукоять сразу стала нагреваться. Мне почудилось, что молот даже задвигался от удовольствия, вот щас его метнут, вот покажет свою силушку...

– Жди, – сказал я тихо, – звери любого огня боятся... Не подойдут!

Желтые глаза стали крупнее. И... самое жуткое, не сводя с меня немигающего взгляда, начали раздвигаться в стороны. Дрожа, я вскрикнул и поспешно метнул молот. Глазами держал темное место как раз между глаза, самое убойное место...

Молот унесся с хлопанием шумно взлетающей утки. В темноте послышался глухой удар, треск. Желтые глаза исчезли. Сверху посыпались листья, сорвался крупный сук и больно ударил по плечу. Потом там же в темноте раздался жуткий треск ломаемого дерева.

Я застыл в ужасе, не зная, куда метнуться. Шум усиливался, к нему добавился треск других деревьев, потом послышался тяжелый удар, словно ночной великан ударил по земле исполинской дубиной. Под ногами подпрыгнуло, и все затихло.

Гендельсон проснулся, сидел бледный, мотал головой, на морде все еще сонная одурь.

– Что?.. Где?.. Когда?

– Не та передача, – огрызнулся я.

– Что?

– Сидите, ваша милость, – ответил я саркастически. – Посторожите, чтобы никто костер не загасил. Без него нас и жабы забодают.

– Жабы?

– Да, жабы. Бывают – рогатые.

Темнота приняла меня только на миг, через пару шагов глаза притерпелись к лунному свету. Я осторожно двинулся вперед, нож в одной руке, молот в другой, осталось только зубы выставить и рычать угрожающе, чтоб боялись: человек идет, разбегайтесь!

Еще три осторожных шага, передо мной свежесломанное дерево. Вот след от молота, вмяло так, что спрессовало древесину на глубину трех ладоней. Дерево не выдержало такого... надпила, сломилось под собственным весом. Хорошо, не рухнуло в нашу сторону, хотя могло бы. Наверное, на ту сторону перетянули ветки.

Я походил вокруг, присматриваясь, где же зверь, которого я так в лоб, неужели промахнулся, этого быть не может, ибо молот, как ракета с самонаводящимся устройством, вильнет за целью, если та скакнет в сторону, вбок или взад...

Ноги мои застыли. Прямо из черноты на меня смотрят желтые глаза. Немигающие, беспощадные. Всего в двух-трех шагах, я даже не успею замахнуться молотом. Я поспешно выставил перед собой нож, да напорется зверюга на узкое лезвие сама... Холод побежал по всему телу. Желтые глаза следят за мной и с другой стороны. Они же и спереди. И сзади.

Тело мое от ужаса превращалось в лед. Ближайшие глаза раздвинулись, поползли в разные стороны. Притерпевшиеся к слабому свету глаза различили серую кору массивного дерева. Два светляка медленно расползались, явно после брачных ритуалов. Другие еще раздумывают, кое-кто колупирует самку, их свет интенсивнее, чем у других...

Ноги мои едва не подломились. Я всхлипнул, кости моего скелета превратились в желе. Я едва доковылял в полнейшем изнеможении до костра, рухнул. На месте морды вельможи была бледная маска, свиные глазки раскрылись широко.

– На вас лица нет, – сказал он тревожно. – Что там было?

– Лесные великаны, – сказал я слабо.

– Великаны... И что?

– Треснулись лбами, – объяснил я. – Сослепу. Темно ведь... вы слышали треск?

– Да.

– Хорошо слышали?

– Я от него проснулся.

– Вот так трещат их лбы, – объяснил я. – Крепкая слоновая кость. Наверное, тоже благородное сословие. Бароны, не иначе. Да вы спите, спите! Пока барин спит, холоп сторожит.

Он блыкнул глазками настороженно, еще не понимая, как это кто-то добровольно признает, что он холоп, ведь в этом мире всякий старается поставить себя выше и знатнее других, посопел, снова уперся спиной в дерево и закрыл глаза.

Я тупо подбрасывал в огонь щепочки, голову не поднимал. Жар от костра обжигал лицо, я предпочту думать, что это жар от огня, чем признаюсь, что обгадился так круто, так

мощно. Сейчас все звери в лесу помирают со смеху, катаются на спинах и пересказывают друг другу, как сэр Ричард Длинные Руки обгадился в фигуральном смысле и чуть-чуть не обгадился в реальном.

Гендельсон долго сопел, стонал, ворочался, наконец привстал, долго всматривался в темноту. В ночи на горизонте вспыхивали огни, словно некто запускал бенгальские огни. Я отвернулся, слышно было, как Гендельсон начал было укладываться снова, потом зачем-то встал, сделал от костра осторожный шагжок.

– Там, – слышался его голос, – вроде бы ручей...

Я холодно промолчал. Слышно было, как он топчется у огня, затем заговорил снова:

– Сэр Ричард, ручей в той стороне?.. Я запомнил...

Ага, подумал я злобно, уже «сэр Ричард». Быстро учишься, скотина.

– Ну, – сказал я, – ну и что?

– Я хочу пить, – сказал он. В голосе добавилось вельможности. – У нас пустые фляги...

– Утром напьетесь, – буркнул я.

Он посопел, сказал сварливо:

– Но я хочу сейчас!

– Сэр Гендельсон, – сказал я со злостью, – вы что-то недопонимаете. Или полагаете, что я брошусь к ручью и принесу вам воды?

Я все еще не поворачивался и не видел его лица, но представляю его выражение. Он сопел уже зло, но сдержался, я не слуга, сказал все еще настойчиво, но с просящей ноткой:

– Сэр Ричард, я бы ходил сам... Но вы же сами знаете, что Шабрири на одного сразу же найдет слепоту.

Я буркнул:

– А на двоих?

– На двоих... – донесся растерянный голос. – Сэр Ричард, вы в самом деле не... не знаете? Не знаете, что Шабрири может отравить воду только для одного, а на двоих у него нет сил?.. Более того, пока дойду до ручья, в темноте может напасть даже Такритейя... а он нападает только на одиночек!.. Если человек идет ночью один, то демоны его видят и могут вредить, если идут двое, то демоны их видят, но вредить не могут, а если идут трое, то демоны их даже не видят!

Я сказал зло:

– Понятно, почему на такие дела посылают по двое! Жаль только, наш ангел этого не знал и сопровождал нас в одиночку. Вдвоем бы они того черного...

Гендельсон молча пошел за мною к ручью. Вода журчала все громче, мы вышли к ручейку, с той стороны трава и обрывистый берег, а здесь чистый белый песок. Лунный свет просвечивал воду насквозь, только у того берега оставалась недобрая тень.

Он опустился на колени и торопливо пил, как свинья, опустив рыло прямо в воду. Я слышал, как в него вливались целые ведра, он хрипел и хрюкал, плямкал, от него пошел пар. Я даже с тенью сочувствия подумал, что этой толстой свинье в самом деле пришлось хреновей, чем мне. И толще, и привык к сидячей жизни, да и доспехи на нем что-то да весят...

– Ну, – поинтересовался я, – наводопоились, сэр Гендельсон?.. Отвести вас обратно в стойло?

Он привстал, отдуваясь, затем с кряхтением и немалыми трудами воздел себя на задние конечности. Я прожигал в его спине дыры размером с туннель под Ла-Маншем, но эта тупая скотина ничего не ощутила, добрела к костру и тут же заснула, пуская слюни.

Я опустил в огонь целое бревно, хватит надолго, взял в руку нож и решительно шагнул за оранжевый круг. Вообще-то искать там нечего, но стыд все еще гнездится под шкурой, надо хоть так доказать себе свою безмерную отвагу.

Призрачный лунный свет, серебристый и нереальный, превращает привычный лес во что-то иное, пугающее и таинственное, но я слишком долго жил в благополучном и рациональном мире, чтобы меня пугала темнота, а что ночной город и дневной – две большие разницы, это знают не только в Одессе.

Я вышел на край большой поляны, но дальше не пошел, чтобы не потерять костер из виду. Поляна медленно переходит в пологий холм, там кусты и мелкие деревья. Похоже, юго-восток в той стороне, а умный в гору не пойдет, даже холм постарается обойти...

Я вздрогнул, только сейчас уловив, что слева темнеет не ствол дерева, а отвесная каменная скала. Я бы назвал даже колонной, поставленной среди леса неведомым дизайнером, но, с другой стороны, это не колонна, а все-таки скала, но даже если бы колонну ветры и ливни источили до такой потери формы, то сохранилась с тех времен, когда леса здесь и в помине...

Сердце сжалось, как воочию увидел мраморные развалины прекраснейших дворцов на Капитолийском холме, пасущихся коз на том месте, где Цицерон бросал пламенные речи, увидел, как неграмотный турецкий крестьянин тяжелым молотом разбивает прекраснейшие мраморные статуи работы Фидия и Праксителя, чтобы пережечь мрамор в такую нужную для хозяйства известь...

Сверху донесся странный звук. Я задрал голову, обомлел. На вершине скалы сидит женщина. Я не понял, как она туда залезла, совершенно голая, без каких-либо приспособлений. Скала совершенно отвесная, а сюда в лес надо еще добратся, думаю – не одни сутки, но она сидит в красивой задумчивой позе, эдакая Аленушка у омута. В отличие от простецкой Аленушки каждое движение немыслимо эротично, сиськи смотрят в мою сторону так, что у меня зачесались пальцы от жажды схватиться за них, зад оттопырила, а лицо приподняла и сложила губы бантиком, словно приготовилась взять в рот эскимо.

– Черт, – прошептал я, – это во мне глюкануло, что-то... или как?

Собственный голос показался чужим и хриплым. Я попятился, кто знает, как она туда взобралась, вдруг у нее там крылья вылезут, спина ведь в тени, хрен знает, что у нее там сзади, вдруг крылья не гусиные, как у наших ангелов, а летучемышьи, как у ангелов ненаших?

Деревья сомкнулись, закрыли от меня темную странную скалу. Я торопливо пошел обратно к оранжевому огоньку. Нет, уже стал красным, свежих веточек никто не подбрасывает, вот сейчас приду, набросаю и заставлю себя хоть малость заснуть...

Нога моя замерла в движении. Я задержал дыхание, потом как можно тише присел за кустом. Колени предательски хрустнули, я застыл. Между деревьями мне наперерез медленно бредет, переступая босыми ногами, молодая девушка. Похоже, не всегда ходит голой, ягодицы снежно-белые, как и грудь, а тело все же покрыто легким солнечным загаром. Невысокая, полненькая, с круглым милым лицом, копна волос, с виду настолько мягких и нежных, что смотрятся сплошным золотистым облаком без разделения на пряди.

Впрочем, она не считает себя голой – на ней браслеты на руках и щиколотках, длинные серьги и небольшое ожерелье из крупных жемчужин.

Я уже раскрыл рот, чтобы окликнуть ее, но вдали зашевелилась трава, оттуда выскочило нечто огромное, стремительное, пятнистое. Я сжал рукоять ножа, готовый метнуться навстречу, однако женщина без страха смотрела на огромного зверя. Леопард в три прыжка оказался перед нею, брякнулся на спину, замахал в воздухе всеми четырьмя лапами, стараясь поймать ее за пальцы.

Женщина засмеялась, отмахнулась, леопард вскочил и пошел с нею рядом. Шел он крадучись, припадая к земле, но даже в таком виде его спина выше ее колена.

«Да ну вас к черту», – сказал я себе, сердце колотится, как у зайца в когтях льва. Если бы волк, пусть какой огромный, я бы еще рискнул себя обнаружить, все-таки волк – зверь

благородный, привык к дисциплине в стае, к субординации. А эти кошачьи, что ходят сами по себе... Не понимаю этой страсти женщин к кошкам. Это же все предатели до единого! И не слушаются своих хозяев. Захочет меня сожрать – ничего эта красотка сделать не сможет...

Я провожал их взглядом, пока они удалялись по тропинке среди высоких, выгоревших на солнце трав. Белые полушария ягодиц мерно двигаются из стороны в сторону, спина тоже все светлая, словно эта красотка загорает брюхом кверху, попросту накрыв свои могучие сиськи лопухами.

Да, хорошо, что у кошачьих нюх уступает волчьим. Пес бы зачуял, даже простой, не охотничий...

Костер разгорелся хорошо, ярко. От горящего ствола идет хорошее сухое тепло, как от масляного нагревателя. Гендельсон спит, бесстыдно, но, наверно, благородно всхрапывая. Из перекошенного рта слюна все-таки поползла, густая и блестящая, как нескончаемая улитка. Возле его ног расплылась целая лужица.

Я отвернулся, лег возле огня и скорчился, подогнув колени почти к груди и сунув ладони между ног. Не героическая поза, рыцари спят с мечом в недрогнувшей длани, но я ведь не урожденный, а пожалованный, с такой овцы какая рыцарская шерсть...

Глава 8

В глазах сверкало и переливалось, плавали странные чудовища, словно я завис в полупрозрачном желе. Еще не раскрывая глаз, уже чувствовал, что солнце светит прямо через тонкую кожу века. Сделал усилие, загородился ладонью и лишь тогда с трудом поднял тяжелые веки. Все тело задубело, в плече снова заныло поврежденное мясо. Мучительно хочется есть. Кости за ночь отяжелели, их пропитало свинцовым холодом. Спина моя упирается в ствол могучего дерева... ага, это дуб, ибо под нами россыпи крупных, налитых жизнью желудей, коричневых, блестящих, похожих на пули с округленными кончиками. Значит, припекало, я во сне отполз, а когда огонь начал угасать, мои тупые инстинкты не сообразили подтащить мою задницу обратно.

Гендельсон все еще спит, настоящая свинья под дубом. За ночь отяжелел, обрюзг, морда перепачканная... Правда, у меня вряд ли лучше, но себя не вижу, а эта свинья – вот она. Даже пахнет от нее по-свински, не то обгадился от страха и усилий, не то у него пот такой вонючий. Потому никто нас и не тронул ночью, брезговали подойти близко.

Машинально пощупал амулет на шее, что в прошлый раз сослужил такую хорошую службу на дороге. Но здесь даже если достанет из-под земли целый клад, в лесу он ничего не стоит.

Постанывая от жалости к себе, я потащился в чащу, орешник видно отсюда, а там может оказаться и что-нибудь еще. Нет, ни фига больше не нашел, кроме каких-то ягод. Но я, дитя асфальта, знаю только черешню да клубнику, а все остальное для меня – «волчьи ягоды», которыми вроде бы травятся. Или кайф ловят, не помню.

Гендельсон уже сидел перед черным кругом выгоревшей земли, тупо шевелил прутиком угли. Пепел ссыпался, багровые бока углей слегка вспыхивают, словно внутри этих камней загораются крохотные лампочки. Я положил на землю горку орехов в огромном зеленом листе, размером со слоновье ухо, только еще мясистее, словно выдернул из-под жабы на болоте, а не сдернул со стебля лопуха.

Он поморщился:

– Это... что?

– Орехи, – объяснил я. – Что, вам подают на блюде только очищенными?... Вот что, Гендельсон...

Он напыжился, ухитрился посмотреть на меня свысока, хотя сидел на камне.

– Сэр Гендельсон! – сказал он надменно. – Можно «ваша милость»... можно «ваше баронство»...

– Заткнись, – сказал я с бешенством.

Он отшатнулся, смотрел на меня выпученными глазами. Я ощутил, что меня трясет от неожиданно прорвавшейся злобы.

– Заткнись, – повторил я раздельно. – Заткнись, ничтожество!.. Или вставай и топай в Кернель сам!.. Я еще согласен тебя взять... тебя, ничтожество, если закроешь хлебало и забудешь, что ты – цаца, что у тебя есть привилегии передо мною!.. Понял, ничтожество?..

Он краснел, багровел, бледнел, синел, лицо то распухало, то спадало, как сдутый воздушный шар. Я уж надеялся, что его кондрашка или грудная жаба задавит, но он все сумел пережить, хотя хрен сколько километров нервов у него перегорело, потом выдавил сипло:

– Мы... выполняем... приказ короля. Потому я сейчас... ни слова... Но мы вернемся, сэр Ричард!

– Вернемся, – согласился я лютю.

– Вернемся, – сказал он хриплым от ненависти голосом, – и тогда... тогда посчитаемся.

– Посчитаемся, – ответил я. – Охотно!.. Если вернемся, конечно. Если вернемся оба... А пока, жаба, запомни: у тебя нет привилегий!.. Ты не будешь мне отдавать никаких приказов!.. Я не могу проследить, что ты обо мне думаешь, но – клянусь Богом! – если только каркнешь что-то оскорбительное, я тебе зубы вышибу прямо сейчас. Вышибу с превеликим удовольствием.

Он молчал, смотрел исподлобья. Я заставил себя дышать глубже и чаще, что-то чересчур распустил вожжи своих чувств. Гендельсон только испепеляет меня взглядом, полным ненависти. А это, как твердят восточники, опаснее, чем если бы орал и бранился. Вот как я сейчас.

Я сделал еще пару выдохов, сказал уже как можно будничнее:

– Все, не будем к этому вопросу возвращаться. А орехи советую... пожрять. Иначе силы не хватит, чтобы выбраться даже из леса.

Он смотрел на орехи набычившись, подозрительно. Долго молчал. Я раскалывал орехи камнями, не буду же рисковать содрать эмаль с зубов, доставал сочные блестящие зерна, ел с удовольствием. Наконец Гендельсон, к моему удивлению, сказал почти обычным голосом:

– С таким молотом... можно было бы оленя... или кабана. Даже птицу какую-нибудь.

Я пожал плечами.

– Не хотите орехов? Что ж, не извольте беспокоиться, ваша милость. Эти орехи я сам поем. В них калорий вдвое больше, чем в мясе... А вы можете вот это кушать... Вволю!

Я указал на россыпь желудей. Сам я с тем же энтузиазмом хрустел плотные коричневые панцири камнем, скорлупки разлетались, как осколки, ел с удовольствием, всегда любил орехи, а сейчас это так и вовсе деликатес.

Гендельсон скривился, но все же потянулся к орехам. Я сделал вид, что не вижу, как он роется, выбирая покрупнее, сам брал один за другим, и он заторопился, хватал чаще, раскалывал зубами, ел быстро, как прожорливая свинья, и весь как свинья – толстая, жирная, бесцеремонная, наглая.

Я встал первым, теперь это не только мое право, но и обязанность, указал в просвет между деревьями:

– В той стороне Кернель!.. Я не знаю, сколько до него. Я не знаю, может быть, в сотне шагов справа или слева за лесом прекрасный город, где смогли бы купить коней... да не простых, а с крыльями! Но мы пойдем прямо. Возражения есть?

Он отряхнул ладони, взгляд его был тяжелым и запоминающим. Медленно поднялся, скривился.

– Нет, – ответил он. – Мы должны дойти до Кернеля.

– По крайней мере, попробовать, – сказал я.

– Дойти, – сказал он. – И вернуться. Нам есть зачем... возвращаться.

– Да, – ответил я. Голос мой дрогнул, ибо перед глазами встало прекрасное лицо Лавинии. – Есть.

Деревья расступились и, покачиваясь, начали обходить нас справа и слева. Под ногами шла мелкая галька, потом двигались через соснячок, где сухие иглы покрыли землю на три пальца толщиной, затем посветлело от множества белокорых березок, напомнимших мне буренок, чуть позже березняк без перехода сменился густой дубравой.

Под ногами хрустели крупные желуди. Трижды натыкались на стада диких свиней, но только один раз свиньи разбежались, а два раза нам пришлось самым осторожно обойти по широкой дуге. Уж очень внимательно следили за нами огромные могучие кабаны, вепри. Клыки покрупнее, чем у медведей, а с какой скоростью они несутся, я уже знал. Глазом не успеешь моргнуть, а эта туша собьет с ног и вспорет от низа живота и до горла, как умелая хозяйка потрошит толстую рыбу.

Однажды наткнулись на небольшое оленье стадо в пятеро голов. Головной олень тревожно фыркнул, все сорвались с места, но я успел метнуть вдогонку молот, поймав в прицел взгляда молодого оленя, что убегал последним. Раздался короткий хрип, тут же оборвавшийся. Стадо как ветром сдуло. Мы подбежали оба, я вытащил нож, но Гендельсон распорядился с прежней властью:

– Разжигайте костер!.. Только рыцари умеют правильно свежевать дичь.

Я стиснул челюсти, пальцы сжались в кулаки. Уже можно бы дать в зубы этому дураку, ибо он, хоть и не прямо, но выказал свое превосходство, свое высокое рождение, а у меня, мол, рождение только и годится, чтобы разжигать им костер...

Дыхание вырвалось из моей груди с шумом. Я разжал кулаки, еще раз вздохнул и отправился на сбор сушняка. Путешествие только начинается. Мы можем быть рядом с Кернелем, а можем быть и черт-те где. Ничего, в дороге все разрешится, все узлы развяжутся. У меня не зря чувство, что терпеть эту толстую жабу буду не очень долго.

Когда я принес хворост, Гендельсон уже начинал разделять оленя. Я поморщился:

– Пристало ли свежевать столь благородное животное, как какую-то свинью? Разве это по-рыцарски?

Он посмотрел на меня с надменностью.

– Вы умеете лучше?

– Конечно!

– Ну-ну, – сказал он саркастически, – что же здесь не так? Всегда сначала надо отнять голову, потом рассечь тушу на четыре части...

– Ни фиги, – сказал я. Прекрасные строки поэмы о Тристане всплыли в памяти, я сказал со знанием дела: – Сначала надо снять шкуру, не разнимая самого зверя, потом разнять на части, как подобает, а подобает не трогать крестца, отобрать потроха, морду, язык, бедра и сердечную жилу...

Он слушал с удивлением, но брови сошлись на переносице, он сопоставлял со всеми прочими правилами, местом оленя в сложной иерархии животного мира, в геральдике, в песнях и балладах, буркнул:

– Ну, допустим... Что-то в этом есть.

– Это еще не все, – сказал я победно. – Сердце, голову и внутренности надлежит отдать охотничьим собакам, что помогали загнать оленя... они потом охотнее будут собираться на звук охотничьего рога. Все приготовленные части оленя надлежит разместить на рогатинах, что везут охотники: одному большой филей, другому – зад, двум – лопатки, еще двум – задние ноги, последнему – бедра. Потом надо выстроиться попарно, ехать в хорошем порядке, согласно с достоинством тех частей дичи, которые на рогатинах...

Он покачал головой, спросил с удивлением:

– Какой сложный... и довольно красивый ритуал! Да, это говорит о развитой системе рыцарства... И кто же вас этому учил?

– Тристан, – ответил я. – Великий Тристан из Тинтажеля. Известный своими доблестями, но еще больше – великой и верной любовью к прекрасной Изольде...

– Гм, – сказал он с сомнением, нахмурился, но дальше молча наблюдал мою борьбу за огонь в духе продвинутого Рони-старшего. На этот раз костер разгорелся быстрее, мы оба совали с двух сторон сухие палки, Гендельсон тут же начал жарить мясо прямо на огне, но я таким побрезговал, словно иудей, что не выносит крови в пищу, дождался углей, на них прожарил мясо хорошо, надежно, и ел с удовольствием, при этом ловил озадаченные взгляды вельможи: что за простолюдин с такими непонятными манерами, просто баба какая-то, еще и пальчиком копать сковыривает...

После завтрака мы двинулись через лес с предельной осторожностью. На Гендельсоне звякало и гремело, а сам он сопел, фыркал и стонал, как целое стадо свиней. Тропки попадались только звериные, но даже по ним мы продвигались, как две улитки. Гендельсон сильно хромал, постанывал. Дважды до полудня мы едва не натыкались на конных воинов, но теперь впереди шел я, успевал затаскивать Гендельсона за деревья и зажимать ему пасть. Он хрипел и показывал знаками, что будет молчать.

Всадники ехали молча, целеустремленно, по сторонам не смотрели. Их одежда и даже лица были покрыты пылью. Глаза угрюмо смотрели вперед. Я знал, что это враги, и потому находил в них все признаки жестокости, порока, но если бы полагал, что это наши ребята, их суровые лица показались бы исполненными мужества и готовности к тяготам пути.

В любом случае рисковать не стоило, ибо это земли, занятые врагами. Войсками императора Карла, а короче – под властью Тьмы. Так что встретить «своих» нечего и думать, а попасть в плен по своей же дурости не очень-то хочется. Тем более по дурости Гендельсона.

Так мы шли, прячась от всех, двое суток. По дороге я срывал ягоды, орехи. Гендельсон скрипел, но покорно ел. Он сильно исхудал, железо на нем болталось, как на пугале. Когда я командовал привал, он падал на землю прямо в железе, засыпал как убитый. На третий день я сшиб молотом крупную птицу, размером с гуся, но точно не гуся, ибо, как я смутно слышал, гуси не сидят на деревьях и не выют там гнезда.

Мы шли, шли, я смотрел сквозь зеленую листву и видел карие глаза Лавинии. Поднимал глаза к небу, видел ее голубое платье, а когда устраивались у ручья, слышал ее тихий нежный голос. Я безжалостно поднимал вельможу, говорил ему о долге, и мы шли через лес, прерываемый то чистыми полянами, залитыми солнцем, то темными оврагами, завалами, зависшими деревьями, гнилью и разложением.

Сегодня, это уже третий день, вышли на сравнительно чистое место. Через кусты с шумом проломился небольшой зеленый дракон. Он показался бы тиранозавром, рост всего в полтора раза выше моего, но его передние лапы толще моих вдвое, все тело в роговой чешуе, на спине плотный гребень, как у неимоверно крупной стерляди. Распахнув пасть, он тут же, без предупреждающего шипения и биения себя хвостом в довольно мощную грудь, прыгнул вперед. Блеснули острые зубы, послышался жестяной звон...

Я едва успел увидеть смазанную зеленую полосу за лапой чудовища. Гендельсона унесло, как поддетую ногой школьника жестянку. Он спиной вперед вломился в густые кусты, а дракон повернулся ко мне. Он двигался на задних лапах с ловкостью и грацией гимнаста, что подготовился к состязаниям, сила играет. Я поспешно выхватил нож.

Дракон прыгнул в мою сторону, я едва успел выставить нож перед собой. Удар, мою руку ожгло острой болью. Дракон оглушительно взревел, я увидел блеснувшую в воздухе полоску металла. Нож унесло на другую сторону поляны, а дракон стоял и размахивал лапой... что стала вдвое короче. Половинка лежала на земле, дракон смотрел на нее и ревел, ревел.

Потом он поднял голову и взглянул мне прямо в лицо. Я увидел в его выпуклых горящих глазах лютую смерть. Потом из пасти вырвался страшный вопль, он прыгнул ко мне, я сорвал с пояса молот, но бросить не успел... в голове взорвалась бомба. Вспышка боли ослепила, а в глазах сперва вспыхнуло белым, а потом наступила тьма. Я чувствовал, что удар отшвырнул меня, как если бы бейсбольной битой ударили по прыгнувшей лягушке.

Вблизи трещало, ломалось, я услышал вопль, рев, треск и жуткий звук раздираемого железа. Тряхнул головой, зрение очистилось. Дракон надел на Гендельсона, тот почему-то оказался на том месте, с которого дракон мощным апперкотом зашвырнул меня на другую сторону леса.

Молот верноподданно лежит рядом с моей рукой. Я приподнялся, бросок, воздух затрепал, затем хруст костей, молот перекувыркнулся и шлепнулся мне в ладонь. Я постоял пару мгновений, но дракон так и остался на Гендельсоне, накрыв его, как зеленым валуном.

В легких при каждом вздохе колет, во рту было солоно. Я сплюнул кровь, в ней отвратительные пузыри, как на лужах перед новым ливнем, подошел, припадая на обе ноги.

– Дракон издох, – сообщил я. – Вы сможете выбраться?

Гендельсон хрипел, лицо его было бледным, из разбитых губ текла кровь. Я кое-как столкнул тушу, Гендельсон приподнялся, сел. Мясистое лицо стало иссиня-желтым, на правой стороне начал расплываться роскошный кровоподтек.

– Кстати, – сказал я неуклюже, – спасибо, что сумели подняться... Он бы меня сожрал.

– Я... – прохрипел он, – я... не ради вас...

– Это понятно, – согласился я. – Славы восхотелось. Подвигов!.. Шкуру повесить на стену...

– Не шкуру...

Я кривился, щупал бок.

– Ладно, понимаю. Вам самому бы содрать с меня шкуру, а не уступать это дракону. Похоже, что нам придется остановиться здесь на ночлег... Меня что-то плохо ноги держат.

Впереди между стволами деревьев блистало пурпуром. Я, сильно прихрамывая, потащился в ту сторону. Деревья расступились, впереди был закат на полнеба, красочный, торжественный, из-за зрелища которого хочется встать на колени и возблагодарить того, что создал такое шоу.

Я обернулся, помахал вельможе в железной скорлупе, уже сильно помятой драконом.

– Добраться сюда можете?

Он ответил, не поднимаясь:

– А что там?

– Голая степь, – ответил я. – Вернее, там дальше снова лес, но хоть какой-то простор.

Багровый шар медленно проседал за темнеющий край земли. Небо налилось кумачом. Черные тучи остановились, края их зловеще алеют. Я вертел головой, в голой степи сразу становлюсь клаустрофобом навыворот.

Гендельсон, хромя и раскачиваясь при каждом шаге, доковылял до края леса. Дышал он с хрипами, на губах пузырится такая же кровавая пена. Налитыми кровью глазами окинул взором гигантскую поляну, проплешину среди необозримого леса.

– Чем здесь лучше?

– Обзор, – ответил я. – Никто не подберется, прячась за деревьями. Я там надрожался, в лесу.

Он нашел в себе силы вельможной фыркнуть, ведь урожденные даже воробьев не боятся, указал на чернеющую неподалеку высокую грудку камней:

– Тогда вон там? Все-таки защита от ветра.

– Да, – сказал я. – Не люблю, когда задувает сзади.

– Почему сзади?

– Да и спереди не люблю, – добавил я. – Особенно когда присаживаюсь...

Глыбы камней оказались руинами некогда крупной каменной башни. Уцелело массивное основание из тяжелых глыб, примерно в три моих роста, сбоку угадываются остатки ступеней. Судя по камням, что усеивают окрестности на добрую сотню шагов в диаметре, башня была немаленькая.

Гендельсон с кряхтением снял шлем, но панцирь то ли не умеет снимать сам, то ли барон устал так, что руки уже не двигаются. Сидел на камне, тупо смотрел, как собираю хворост, луплю привычно камнем о камень.

Костер разгорался, как всегда, медленно, нехотя. Пытался снова юркнуть в щепки и затаиться там, я раздувал, терпеливо подкладывал сухие полоски тончайшей бересты. Можно бы, конечно, заставить Гендельсона хоть что-то делать, но я себя поймал на привычном брюзжании человека моего времени: а что, мне больше всего надо... а что, он сидит, а я корячусь... и прочих даже не подленьких, а просто мелких мыслишках, недостойных мужчины. Из-за этого русские специалисты просто не могут работать в команде, но я сейчас в команде, я сильнее, а это значит, что я... я сильнее!

Мы разложили на камнях остатки оленины, поджарили еще разок. Я тосковал по чили, аджике, перцу, хотя бы майонезу, но барон пожирал мясо, как волк, хрипел, давился, глотал, почти не пережевывая. Я сумел заставить себя съесть один ломтик, да и с того безразлично соскреб ножом пригоревшее, что составило почти треть всего мяса.

Барон наблюдал за мной с презрительным недоумением.

– Ваши манеры, сэр Ричард, – проговорил он, – весьма странноваты. Вы держитесь, как избалованное дитя... Вы были младшим ребенком в семье?

– Почему младшим?

– Младших обычно балуют, – заметил он. – А рыцарь в походе должен есть все.

Младших, подумал я зло. При системе айн киндер не бывает ни старших, ни младших, а только единственные.

– То-то у вас харя, – ответил я саркастически. – Это в походах такую отъели?... В трудных сражениях, в переходах через горные перевалы... в разгар зимы?

Он нахмурился, лицо снова приняло надменно-высокомерное выражение. Не глядя в мою сторону, снял доспехи и лег у костра, подложив под голову шлем. Круто, подумал я. Князь Святослав в походах клал под голову седло, и то мы считаем его небывалым аскетом.

Гендельсон не аскет, но захрапел почти сразу, едва голова опустилась на шлем. Это до какой же степени надо измучиться, чтобы вот так... Я, тоже усталый, все же заснуть вот так сразу не могу. Сижу, как дурак у костра, и пляжусь в огонь. Там в пляшущем пламени бегают всякие человечки, скачут огненные кони, рушатся замки, там в стремительном темпе проносится жизнь, а вот если поднять очи горе, то полная противоположность – там тоже своя жизнь, но их секунда равняется нашим миллионам лет...

Небо странно темно-синее, с очень мелкими звездами, земля под таким небом тоже синяя, и трава синяя, очень похожая на подводные заросли на глубине метров тридцати, куда красные линии спектра уже не доходят. Камни похожи на спящих черепах, тоже мертвенно-синих.

Только в двух шагах от костра трава и камни другого цвета: оранжевые и багровые, да туша Гендельсона, что уже начинает из красиво-благородной позы спящего рыцаря скрючиваться в простонародность, когда спина горбиком, голова в плечи, а руки меж колен... ну, так говорим, хотя ладони гораздо ближе совсем к другому месту, чем колени.

В небе чувствуется некое движение, появилась исполинская фигура величественного старика. Очерчен только контуром, лишь иногда проступало крупное мясистое лицо с нахмуренными бровями. Он качнулся с одного края неба на другой, словно луч прожектора, выискивающий вражеские самолеты, потом в задумчивости начал писать пальцем прямо на небе, как пишут мальчишки на запотевшем стекле троллейбуса.

Огненные символы возникали и тут же таяли прямо под его пальцами. Сердце мое стиснулось от неясного чувства. Возможно, в какие-то давние времена научились делать вот такого рода памятники. Не из бронзы или камня, а вот такую впечатанную в пространство голографию. Уже и аппаратура давно разрушена, и та цивилизация в руинах, а то и руины давно рассыпались в пыль, но этот призрачный памятник, питаемый подземными силами, магнитным полем планеты, все еще напоминает о давно ушедших веках...

Гендельсон всхрипнул, дернулся, глаза дикие, уставился на меня непонимающими глазами.

– Вы еще не ложились, сэр Ричард?..

– Не лег, – ответил я. – А вам что, Санегирейя привиделся?

Он вздрогнул, огляделся.

– Нет...

– А что так испугало?

Он посмотрел на меня подозрительно и с повышенной злобностью.

– Сон. Просто сон. Но, мне кажется, пророческий...

– Это от Сартии, – сказал я зная. – Когда какому-нибудь очень достойному человеку... вот вроде вас, Господь Бог посылает пророческий сон, рыцари Сартии тут же влезают в него, вы это знаете? И обязательно все пересрут, напортят, переталдычат. Так что вещие сны хоть и бывают, но все они – бредня.

Он люто блеснул в мою сторону недобрый взглядом, сказал медленно:

– Не знаю, не знаю... Но этот был уж слишком... намекающим. Ладно, я бы посоветовал вам лечь. Неприятно, знаете ли, когда кто-то сидит и смотрит на тебя, спящего.

– Вы полагаете себя таким красавцем? Или что здесь больше смотреть не на что?

Он буркнул:

– Костер не погаснет, там целое бревно. Чего вам сидеть?

– Да ночь не очень холодная, – ответил я, потому что оставить реплику без ответа невежливо.

– Да не в холоде дело... Нечисть не подберется!

– Нечисть сама ходит с факелами. Это волки не подойдут... возможно.

Он промямлил:

– Ну... хоть волки... и то хорошо.

Он перевернулся на спину, заложив руки за голову. Я быстро посмотрел в небо. Там все так же сияют холодные неподвижные и очень мелкие звезды. Но старика уже нет, ушел. Ладно, раз уж Гендельсон проснулся...

Странно, я не чувствовал такой уж очень усталости, привык, это Гендельсон прямо из теплого мягкого кресла в жесткое седло коня, да из теплых покоев навстречу ветру...

Развалины башни приближались, в спину крикнули:

– Сэр Ричард!.. Это наверняка не христианские постройки!

– Наверняка, – ответил я.

– Вам не стоит туда идти!

– Почему?

– Потому что... потому что... нельзя!

Я засмеялся. Башня приблизилась, теперь стало видно, что ветер и дожди иссекли крепкий гранит так, что стену почти не отличить от обычной скалы. Будь эти развалины в горах, я бы прошел мимо – скала как скала. Свалившиеся сверху камни принимают удары только сверху, потому бока еще сохранили шероховатости и даже выступы, а сверху даже не панцири черепах, похожие на гигантские протекторы, а уже почти отполированные до блеска яйца динозавров.

Обошел вокруг, с другой стороны в камнях глубокий пролом. Возможно, здесь были ворота, хотя, конечно, вряд ли. Гораздо удобнее сделать ступеньки вокруг башни, чтобы того, кто поднимается, могли сверху обстреливать и сбивать камнями, а из узких бойниц в бока тыкать пиками.

В проломе темно, я постоял, глаза вроде бы чуть привыкли, шагнул вовнутрь. Под ногами сухо хрустело. Впрочем, это не обязательно человеческие кости, могут быть и звери-

ные. Конечно, звериные. Ни один череп не уцелеет со времен падения этой башни, а современные придурки, что вот так просто забредут, – вряд ли еще отыщутся. Сказано же вдогонку: нельзя сюда идти. А почему – да потому. Нельзя, и все тут.

Холодный лунный свет внезапно отразился внизу, в глаза прыгнул призрачный зайчик. Я сделал осторожный шажок. Среди камней, наполовину засыпанный, лежит меч. Не двуручный, простой, с прямым нехитрым лезвием.

Я осторожно потянул за рукоять, камни нехотя раздвинулись. Меч поднялся из этой россыпи, как вампир, что вылезает прямо из могилки. Я повертел его в руке, чувствуя приятную тяжесть металла.

Глава 9

Этот меч выглядит так, словно им долго рубили железные столбы, в него попадали слепящие молнии, он лежал на дне болот, его омывали потоки сильнейших кислот, и вот сейчас он все еще готов к боям: пошербленный, с темными и желтыми пятнами, так бывает, когда под воздействием огромных температур металл «отпускают», он теряет закалку, становится мягче.

Даже металлическая рифленая рукоять стала темной под воздействием неведомого мне жара. Я сжал пальцы крепче, показалось, что меч все еще хранит жар подземных глубин.

Уже с мечом в руке я хотел было вернуться, но слева ощутилось некое движение. Из каменной стены вышла совершенно нагая призрачная женщина. Меня не видела, двигалась вдоль камней бесшумно, сквозь ее тело отчетливо видны темные камни, а ее словно бы боководную рыбу, не знающую солнечного цвета, слегка подсвечивает изнутри.

Женщина прошла мимо, не замечая меня или не пожелав заметить, вошла в камень на другой стороне и растворилась в нем.

– Мать, мать, мать, – сказал я дрожащим голосом. – Это же надо!

Со стороны костра послышался голос, но слишком близко, чтобы от костра:

– Что случилось, сэр Ричард?

– Это я Богоматерь вспомнил, – огрызнулся я. – И туды ее в качель... в смысле, где спит младенец Иисус. А вы какого дьявола?

Он подошел, сильно припадая на правую ногу, лицо изможденное, перекошился.

– Не поминайте дьявола, – простонал плаксиво. – Не поминайте!.. Он услышит и... придет.

– Он вряд ли, – буркнул я. – А вы какого... ангела?

Он сипло отдувался, сказал жалко:

– Сэр Ричард... мы с вами никогда не станем приятелями, но сейчас многое зависит от того, чтобы мы оба были целы. По крайней мере до того, как достигнем Кернеля...

Я брезгливо отмахнулся:

– Да идите, идите... спать. Я вышел сверчков послушать.

– Све... сверчков?

– Да, – ответил я безжалостно. – Обожаю слушать сверчков. Простых деревенских сверчков. Простолудинных. Обыкновенных. Которые должны знать свои шестки...

– Сэр Ричард... Я рад, что вы уже знаете свое место. Но... Откуда у вас этот меч? Кто вам его дал... и против кого вы его обнажили? Против сверчков не совсем...

Голос его внезапно оборвался. Через полутемное помещение медленно шел в глубокой задумчивости мужчина плотного сложения, с короткими волосами. Стены просвечивают сквозь его тело, однако он не казался призраком, те в моем представлении все же малость астральные, что ли, в развевающихся одеждах, замедленные в движениях, патетические, а этот прет, как из одного помещения в другое двигается человек, сосредоточенно обдумывающий трудную задачу.

Гендельсон забормотал молитву, выхватил из-за пазухи крестик и выставил перед собой в дрожащей длани. Призрачный человек заметил нас, на лице на миг проступил слабый интерес, но тут же погас. Он шел прямо к противоположной стене, я поспешил крикнуть:

– Эй, хлопец, ты тут местный... подскажи дорогу!

Он оглянулся, в глазах мелькнула насмешка, тут же вошел в стену, словно та из тумана, а он бронетранспортер. Я ощутил стыд, нашел у кого выznавать дорогу, идиот. Те дороги, которые он знал, давно засыпаны, перепаханы, на тех местах выросли новые города, были

сожжены, разрушены... и так, возможно, не один раз. Его бы спросить о... О чем бы спросить?

– Какого черта, – проворчал я сварливо, – обнаженный потому, что ножны давно истлели!

Гендельсон бормотал молитву, упал на колени и вознес еще одну, благодарственную, уже за спасение.

– Сэр Ричард, – сказал он сурово, – а почему вы не благодарите Бога?

– Богу наверняка неловко, – ответил я, – когда его благодарят за то, чего он не делал. Шел себе это призрачный мужик и шел. Может, к такой же призрачной бабе.

– Вы чудовище! – бросил сэр Гендельсон с отвращением.

– Да, конечно, – согласился я рассеянно. Подумал, что, может быть, нечаянно ляпнул правду. До этого здесь прошла та призрачная женщина. – Идите, сэр Гендельсон.

– Без вас? – удивился он.

Я вздохнул.

– Ладно, пойдемте. Когда-нибудь добраться бы до этих руин.

Мы вернулись к костру, Гендельсон сказал с облегчением:

– Что вам эти руины?.. Тут куда не пойдешь – руины! Господь наказал нечестивые народы, истребив их где огнем с неба, где огнем из-под земли, а где и вовсе насылал облака огненного воздуха...

– Мне не все руины нужны, – буркнул я. Положил под голову кулак, так не спал, если верить летописям, даже князь Святослав. – Мне не все...

Гендельсон вскоре захрапел, а я подумал внезапно, что и в других руинах могут скрываться те диковинки, на которые не обращают внимания эти люди. Но мы в самом деле должны спешить... Во-первых, надо в Кернел доставить этот загадочный камень как можно быстрее, а во-вторых, я должен вернуться как можно быстрее к Лавинии, моей любимой, Единственной...

Веки мои потяжелели, я ощутил, что засыпаю, и в этот момент за кругом света я увидел, как мелькнула тень. Сперва только тень, но я осторожно сдвинул ладонь, закрывая глаза от слепящего пламени костра. В полумраке удивительная женщина легко и красиво танцевала в свежем ночном воздухе. Она похожа, решил я, на балерину с длинным прозрачным шарфом в руках, что вьется причудливо, как у чемпионки по художественной гимнастике на показательных выступлениях, создает странные фигуры, целые композиции, и это все в танце, дивном и причудливом, ибо она взлетает в воздух и замирает в нем на долгие мгновения. Ее танец то из каскада сверхбыстрых движений, недоступных человеку, то она начинает двигаться, словно в плотной воде, я видел все нюансы ее танца, будто наблюдал замедленную съемку.

Волосы ее черны как ночь, я рассмотрел два-три красных цветка в этих волосах, розы или даже георгины, очень крупные, с мясистыми лепестками. Такие же яркие цветы скрепляют ее наряд, полупрозрачную одежду, из которой легко выстреливают то длинные, изумительной формы ноги, то руки, открывают периодически живот и спину, только грудь и ягодицы остаются все время закрытыми, целомудренная такая фея, явно на стороне Добра, Света...

Ее танец становился все быстрее, она незаметно приблизилась к нам. Свет костра пал на ее тело. Я с изумлением увидел крепкое тело спортсменки, хорошую здоровую кожу, облитую солнцем, даже лицо показалось хорошо знакомым с косметикой: слишком яркие щеки, синева над верхними веками, чересчур пурпурные губы, брови тонкие, шнурком, и вздернуты высоко...

Она видела, с каким изумлением смотрю на нее, в танце приблизилась, я услышал тихий голос:

– Спи... ты должен спать!..
– Ну да, – пробормотал я, – щас... такое пропустить...
– Ты ничего не пропустишь, – пообещала она и опустилась со мной рядом. – Ты получишь все...

Не рекомендуется, вспомнил я, просыпаясь, мужчинам спать в лесу одним. Не рекомендует иудаизм, не рекомендует христианство, а ислам так и вовсе запрещает. Ибо приходит Лилит, чтобы родить от таких мужчин детей. Известно, что Адам и Ева, будучи в «отлучении», за сто тридцать лет породили множество духов, девок и лилит. Так сказано в Священном Писании. Потом Адам и Ева снова начали совокупляться, но дело было сделано: за эти сто тридцать лет Адам весьма и весьма населил землю демонами.

Я сорвал пучок травы, вытерся с некоторой брезгливостью. Судя по всему, эти духи и демоны сами размножаться не могут, как, к примеру, наши мулы. Живут долго, возможно, вечно... если не погибают, однако новые могут появляться на свет только так. Ну, вот так, после процесса, который в разных вариантах снился мне всю ночь.

Хотя кто знает здешние нравы, может быть, это вовсе не снилось. Как-нибудь на досуге надо будет разобраться или хотя бы подумать...

Мясо, даже разогретое на костре, показалось жестким. Гендельсон жрал, как голодный крокодил, я же пощипал, как колибри. Правда, крупный колибри. Потом забросал угли землей, Гендельсон участия в противопожарных мероприятиях не принимал, влезал в доспехи. Он влезал в буквальном смысле: в доспехи можно, оказывается, влезть, чтобы не просить кого-то помочь приладить, застегнуть, затянуть ремни.

Я загасил, притоптал костер, взглянул на него сверху вниз, распростертого в прахе, аки червь.

– Ну?

Он приподнялся, сел, руки отыскиали шлем, нахлобучил, ноги начали воздевать его с таким усилием, словно домкрат поднимал асфальтовый каток. Мне показалось, что он уже устал, пока надевал на себя железо.

Моя рука скользнула за пазуху и, отодвинув амулет на простой веревочке, с наслаждением поскребла ногтями не очень волосатую, но все же волосатенькую грудь. Гендельсон наблюдал за мною налитыми злобой глазами.

– В путь? – спросил я.

– В путь, – ответил он и пошел вперед. – Я давно готов.

Меня подбивало сказать ему «Не туда!» и повести в другую сторону, но на этот раз он двигался верно. Быстро учится наш барончик, быстро. Нет, не барончик – баронище. Даже бар-р-ронище.

Жиденький лес расступился, навстречу блеснуло желтое море песка. Далеко на самом горизонте в небо упираются горы, между горами и песком полоска леса, но прямо от наших ног уходит это море с мелкими желтыми волнами.

Я видел барханы и повыше, видел настоящие песчаные горы, что двигаются медленно и неотвратно по Сахаре, поглощая целые деревни, наступая на города, здесь совсем мелочь, но сердце застыло в страхе, когда нога ступила на этот песок. От него ощутимо веет сухим теплом, хотя день только начался, а солнце едва вылезло из-за леса.

Гендельсон насмешливо хрюкнул и пошел впереди. Его железные ноги погружались почти до середины голени, но он с бесстрашием тупости шел через песок, а я, хоть моя нога продавликает всего лишь по щиколотку, все время ждал то нападения мелких песчаных ящериц, то гигантского червя, то подсознательно ждал зыбучести, когда враз с головой... И хотя умом понимал, что такое невозможно, даже в самых зыбучих погружаются часами, и что надо быть полным идиотом, чтобы так утонуть, но когда это мы жили умом...

Песок быстро разогревался, я уже опередил Гендельсона, по моей спине потекла струйка пота. Желтое однообразное море тянулось и тянулось, но лес на той стороне заметно приблизился. Под ногами неприятно хрустит, словно и не песок, а мелко-мелко измельченный щебень. Если там, где мы вошли, он желтый, то сейчас стал ржаво-оранжевым. Впереди среди мелких волн-барханов выступил полузасыпанный холмик. С первого взгляда показался мне камнем, что постепенно рассыпается в песок, как раньше рассыпались здешние горы, а это последний из оставшихся, но когда приблизился, жар ударил в череп сильнее, чем палящее солнце.

На меня смотрел пустыми глазницами человеческий череп. Даже на треть погруженный в песок, он доходил мне до груди. Изъеденный временем и жарким песком, он все еще сохранил почти все зубы, каждый размером в портсигар. Нижняя челюсть утонула в песке, однако я видел высывающиеся кончики зубов, сточенные по кромке, кое-где выщербленные. Череп выглядит совершенно человеческим, если не считать размеров, но тогда непонятно, как можно существовать с таким, или в какие-то времена гравитация была иной?

За спиной послышалось сипение, храп, словно приближалась груженная каменными блоками телега, которую тянет одна крестьянская лошадка. Гендельсон обливался потом, но усердно бормотал молитвы. В ладони то и дело появлялся крест, Гендельсон творил крестное знамение обеими руками, плевал через левое плечо, сыпал заклинаниями против нечистой силы. Злость распирала меня с такой мощью, что я понимал ощущения парового котла, когда ему в топку набросают чересчур много угля.

– Сэр Гендельсон, – сказал я, – вы набросали в мой котел угля, набросали... Но вы забыли, что мы – не в Зорре! Это в Зорре ваши молитвы могут изгнать нечисть, ибо она там чужая. А здесь мы – чужие!.. Здесь Юг. Пусть самый краешек Юга, но здесь нет церквей, нет священников. Зато есть идолы... Давайте их лучше не раздражать!

Он ахнул:

– Как? Отказаться от борьбы со Злом?

– Мы сейчас не воины, – объяснил я с ненавистью. – Не воины!.. Мы – лазутчики. Мы должны пробраться в Кернелъ и отдать там талисман. Это принесет христианскому воинству больше сил и славы, чем если обнажим мечи, бросимся на ближайшую нечисть и красиво погибнем.

Он сказал надменно:

– В этом нет позора!.. Вы увидите, что я всегда готов отдать жизнь до последнего вздоха, а кровь – до последней капли...

– А что, – сказал я уже не сдерживаясь, – если барон, то обязательно – дурак?..

Он нахмурился, бросил ладонь на рукоять меча.

– Вы мне ответите, сэр Ричард!

У меня потемнело в глазах от страстного, прямо страстнейшего желания вытащить меч и встать в позицию. И сразу избавлюсь от этого дурака.

– Да хоть сейчас!

– Но у нас нет ни времени, – сказал он надменно, – ни возможности. Обнажающий меч на соратника, пусть даже вынужденного, – мерзок Господу...

– Я готов и на кулаках, – предложил я. – Или на ножах. У вас нож на поясе хорош!

Он брезгливо оттопырил губы.

– Что, как пьяные мужики? Нет уж, увольте. Вернемся в Зорр – я к вашим услугам. Нет, даже в Кернеле! Доставим талисман, и мы уже не соратники. Тогда я вполне к вашим услугам.

Челюсти мои сжались так, что стрельнуло в висках. Талисман, черт бы его побрал! Талисман надо доставить в первую очередь, а потом... как там в песне: сначала думай о Родине, а потом о себе.

– Хорошо, – сказал я и ощутил, насколько зловеще звучит мой голос, – в первый же день в Кернеле!.. В первый же час!

– В первый же час, – подтвердил он.

Я ощутил, что, потерпев поражение в этом, должен настоять на чем-то другом, получить реванш, сказал резко, даже не задумываясь, умно или глупо это звучит:

– Мы идем через чужую страну!.. Здесь либо не знали Бога, либо отреклись от Него. Здесь в почете магия, а ведьмы и колдуны не скрываются от лап инквизиции, а сами правят городами и селами. Так что засуньте себе в задницу свой золотой крест, не вытаскивайте на людях! Ни из задницы, ни из-за пазухи. Вообще не показывайте ни своего баронства... ни даже христианства. Никаких молитв вслух!..

Он смерил меня взглядом с ног до головы. Я ожидал новых оскорблений, на этот раз не стану сдерживаться, шарахну просто молотом, возьму талисман и отнесу сам. А это ничтожество пусть по частям звери выклевывают из его скорлупы...

– Вы очень ошибаетесь, – ответил он высокомерно, – полагая, что я не понимаю, где мы. Я не был здесь, но я слышал рассказы бывалых воинов... и знаю, что даже достойнейшие рыцари прибегали к хитростям. Надо только, когда произносишь ложную клятву, держать в кармане пальцы крестом или кукиш. Лучшие герои ездили по чужим странам неузнанными, а потом проводили по разведанным дорогам целые армии!

Я сказал сухо:

– Ну, раз уж лучшие герои... Ставим точку. Теперь вперед – в Кернель!

Мы обливались потом, над Гендельсоном вообще поднимались струйки пара, словно через участок пустыни двигался не человек в железе, а закипающий чайник. Он ломился вперед тяжело, сильно наклонившись вперед. Ноги увязали почти до колен, я слышал уже не хрип, а надсадный скрежет, словно его легкие высохли и стучали по ребрам, как жесть под напором ветра.

Я ощутил тень сочувствия, изнеженному барону еще хреновее, чем мне. Правда, по части изнеженности я тут любому дам сто очков вперед. Я вытер лоб, капли пота высыхают раньше, чем проползут по морде хоть миллиметр, губы пересохли, язык болтается, как деревяшка.

До леса около сотни шагов, Гендельсон хрипел все надсаднее. От деревьев в нашу сторону падает густая тень, сокращая нам путь еще на десяток шагов...

Краем глаза я ухватил движение на самой периферии зрения. Вдоль леса по желтому песку мчится всадник на гнедом коне. За ним развевается длинный зеленый плащ, чересчур длинный. Я так и не увидел его конца, плащ истончался, таял, но все еще угадывался, как размытый шлейф тумана. На всаднике подрагивала под порывами ветра темная широкополая шляпа с темно-зеленым пером, кафтан тоже темный, с оттенками коричневого, как и сапоги в широких стремянах странной формы.

Всадник на миг повернул голову в мою сторону. Кровь замерзла во всем моем теле: у всадника вместо лица блистал белый пульсирующий свет. По нервам ударило тем сильнее, что в остальном все темное, мрачное, а лицо – сплошной белый свет, даже плазменный огонь, как при плазменной горелке на всю мощь.

Я ощутил на себе пронизывающий нечеловеческий взгляд. Рядом всхрапнул и застыл, как столб, Гендельсон. Всадник пронесся, как молния, но одновременно он словно бы плыл через пространство. Желтый песок взлетал под копытами, как брызги, и застывал в воздухе, будто налипал на невидимое стекло.

Мы провожали его взглядами, а когда растворился вдали, мы заспешили к стене деревьев. Я опередил Гендельсона, но сколько ни всматривался в песок, везде безукоризненные песчаные волны с мелкой рябью. Вон след от пробежавшего жука, вот где пронеслась ящерица, от каждой лапки отчетливый отпечаток, а за хвостом длинная извилистая канавка...

Гендельсон приблизился, я слышал жар от накалившихся доспехов, однако барон останавливаться не стал, затрещали кусты, а когда я поднял от песка голову, в зелени тяжело грохнулось грузное тело.

Увы, когда я прошел по его следу, никакой кондрашки или грудной жабы – барон сидя снимал доспехи. От него волнами шел смердящий запах, пот пропитал вязаную рубашку под железом и стекал широкими струйками по лицу, груди.

– Это было... – прохрипел он, – просто... видение...

– Да, – сказал я, – но какое!

– Любое, – сказал он хриплым голосом. – Все видения – от дьявола!.. Мы должны... в Кернелъ. Кто знает, вдруг это испытание нам ниспослано не от Врага... а по милости Господа Нашего?

Я посмотрел на его измученное лицо с раскрытым ртом, он все еще жадно хватал ртом воздух, как рыба на берегу. Если это милость, то странноватая. Правда, тренер тоже гоняет своих спортсменов до седьмого пота, но из нас обоих спортсмены, как из Гендельсона менестрель.

– Вы что, – осведомился я с ядовитостью, – долго намерены вот так ожопивать землю?.. Кто-то крикал насчет Кернеля...

Он уже сбросил булатные рукавицы, ладони оказались белые, пухлые, нежные, а пальцы – ну вылитые сосиски. Не глядя на меня, вытер ладонями лицо.

– Сейчас переведу дух, – сообщил он, – и буду готов...

Хрен ты будешь, мелькнула мысль. Тут сам еле стою на задних конечностях, а я помоложе и покрепче. Да и не тащил на себе эту гору железа.

– Хорошо, – ответил я как можно суше, чтобы не дать проскользнуть в голосе жалости, – переводите... этот свой дух через улицу. А я посмотрю, что в лесу.

Он сказал обеспокоенно:

– Что может быть в лесу, кроме неприятностей?

– Я уже хочу есть, – сообщил я. – Вы ведь не удосужились захватить с собой оленины? Или все сожрали втихую? У меня не такие жировые запасы. Вы намерены ими поделиться со мной?

Деревья расступились, я двигался как мог, то есть старался бесшумно, как надлежит охотнику, но пер, как московский турист в подмосковном лесу: ломая ветки, цепляясь за все сучья, спотыкаясь на каждом корне, матерясь, что все здесь не так, и деревья не такие, и кусты в паутине, и зверей нет...

Наконец редколесье кончилось, дальше пошла чаща, туда я не рискнул. Лесовик из меня никудышный, сразу же заблужусь. Сейчас я просто иду строго по своей тени, наступая на плечи, а обратно идти так, чтобы тень за спиной, но пока что не увидел ни стада непуганых оленей, что подпускают вплотную, ни диких свиней, ни чего-то съедобного.

Рейнджер должен есть в пути все, вспомнил я мудрость выживания. Все на свете употребимо в пищу, а запреты возникли из-за религиозных предрассудков. Так что можно жрать даже жуков и гусениц, не говоря уже о ящерицах и лягушках...

На обратном пути я рассмотрел наконец на ветке токующую птицу. Во всяком случае, она щелкала клювом, я метнул молот, ее сшибло, только пару перьев взвилось в воздухе. Молот проломился сквозь ветки так неожиданно, что я едва успел выставить ладонь, но все равно больно ударило по пальцам.

Птица, глухарь или тетерев, никогда их не видел, тяжело падала, на доли секунды зависая на ветках. Я подхватил ее, сунул под мышку и вышел к месту стоянки. Гендельсон, к моему удивлению, ухитрился насобирать сухого хвороста, правда, его здесь полно.

Птица очнулась от обморока, начала слабо трепыхаться. Я бросил ее на колени барону.

– Убивать и пускать кровь – это ваше дело, барон. А я пока что разведу костер.

Гендельсон едва не выпустил птицу, когда она вдруг клюнула его в ладонь и ударила по голове крыльями. Опешил, но все же свернул голову, начал потрошить, а потом уже на огне довольно умело жарил толстые ляжки.

Я время от времени ловил на себе его недоумевающий взгляд. На птице нет ран, вышло, что я поймал ее живой.

Глава 10

Жареная птица придала сил, как и короткий отдых. Я еще нежился у костра, как Гендельсон молча начал приспособливать на себя железо. Я посматривал со злорадством, непростое занятие – надеть доспехи, ни один рыцарь не справится сам... однако Гендельсон как-то справлялся. Доспехи у него, как я понял, не только по его фигуре, но и из лучших сплавов, к тому же такой формы, что сам легко снимает и довольно легко надевает. Такие доспехи стоят целое состояние, но у клана Гендельсона, как я понял, денег куры не клюют.

Он первым наткнулся на приличную дорожку, что вела в нужную сторону. Я снял амулет и понес в руке. Чтобы не слышать молитв барона и не видеть креста в трясущейся руке, пропустил его вперед, он же герой, сам смиренно тащился сзади. Похоже, дорожкой пользовались нечасто, мы шли несколько часов без отдыха, за это время всего дважды земля разрыхлялась, выскакивал желтый комок металла.

Деревья вообще разредились настолько, что поляны превратились в просторное поле, а деревья сбегались в небольшие группки.

Далеко впереди у дороги показался высокий, в рост человека, темный камень. Дорога извивалась, по сторонам ровная низкая трава, так что камень мы заметили и рассмотрели издали. У камня вроде бы какая-то фигурка, скоро мы с удивлением признали молодую девушку и странного зверя, которого я назвал бы помесью варана с крокодилом, только не зеленого, а странно-синего цвета, словно только что вылез из холоднющей воды.

Вид у зверя был миролюбивый. Завидя нас, он застенчиво спрятался за спину девушки. Она безбоязненно рассматривала приближающихся крупных мужчин, удивительно чистенькая в таком пыльном мире, с гладко зачесанными назад черными волосами, умненькое лицо и внимательные глаза. Как большинство женщин в этих жарких краях, она в подобии лифчика, только более откровенном, да узеньких трусиках. Правда, есть еще пояс, на котором болтались пустые кольца.

Ее зверь все так же застенчиво выглядывал из-за плеча девушки. Теперь, когда поднялся во весь рост, я видел, что ростом почти с девушку, но если она стоит столбиком, то он в позе динозавра: передние лапы молитвенно прижаты к груди, зато задние лапы толстые, как колонны, а хвост занимает треть от массы тела. Чешуйки на груди отливают металлом. Я невольно подумал, что если в его чешуе в самом деле примеси металла, то такую защиту прорубить непросто. А здесь, судя по блеску, чешуя из металла целиком.

Гендельсон, к моему удивлению, галантно снял шлем, поклонился. Я не успел открыть рот, как девушка сказала живо:

– Простите, что здесь написано?.. Мои родители недавно сюда переехали, мы еще не обжились, я немножко заблудилась...

Я уставился на камень. Середина выскоблена до блеска, там два десятка слов, но я, если честно, даже в институте лекции по иностранному списывал, а тут вообще даже не буквы, а знаки. Совсем непонятные, что значит – руны.

– А на каком это языке?

Она взглянула на меня с удивлением.

– Разумеется, на древнем...

– Это понятно, – ответил я, – но у древних было много языков.

Она покачала головой с сомнением, потом вдруг посмотрела на меня с уважением.

– А ведь это может быть правдой! Странно, никому не приходило в голову. Считалось, что у древних был язык один, но использовали разные знаки... Вы один из магов?

Гендельсон напрягся, но смолчал, а я ответил живо:

– О, мы еще те маги! Особенно за столом. Все исчезает. Порой даже серебряные ложки...

Она расхохоталась чисто и невинно:

– Если вы такие маги, тогда да – та-а-акое прочитаете!.. Ладно, как-нибудь выберусь.

Вижу, мне просто повезло наткнуться на таких же приезжих...

– Да, – сказал я легко, – Великое Переселение народов.

Она улыбнулась нам, медленно побрела в сторону от дороги. Ее прямоходящий варан тащился за нею. Девушка срывала цветы, подносила к лицу. Когда я оглянулся второй раз, там уже было чисто, пусто, хотя до ближайших деревьев еще далеко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.